

ВИКТОР САМУЙЛОВ

Нет предела

Виктор Самуилов

Нет предела

«Издательские решения»

Самуйлов В.

Нет предела / В. Самуйлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902788-7

Роман охватывает обширный ряд событий нашей Родины. Судьба офицера-гражданина Сарина Олега тесно связана с событиями произошедшими с нашей страной. Ту боль, которую испытывает наша страна, в полной мере принял на себя и капитан Сарин. Жизнь его после многих потрясений начинает обретать смысл, а как это будет происходить, можно узнать из продолжения этой книги.

ISBN 978-5-44-902788-7

© Самуйлов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	42
Глава 11	47
Глава 12	51
Глава 13	53
Глава 14	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Нет предела

Виктор Самуйлов

Редактор Елизавета Самуйлова

© Виктор Самуйлов, 2018

ISBN 978-5-4490-2788-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Нет предела

Глава 1

Сарин тяжело облокотился о балконные перила... Зачем он отправил свою память так далеко? Что мне там нужно? Понять, что никуда не пришел, что тропки конца и края нет?.. Или что? Ведь и тут неплохо начиналось...

Металлическая полоса больно давила предплечья. Скривился уголками губ, убрал руки, прислонился спиной к косяку двери. Перевел дыхание. Ничего... в голове хоть немного посвежело, а то совсем отупел от жары. Осовелыми глазами смотрел в даль.

Ну все! Все вроде есть и даже было, счастье? и любовь наверное? Тут Олег задумался. Не смог он найти в себе любви а значит и счастья женщине любящей его дать не смог.

А так что ж, только взглядом поведи... Место одно чего стоит. Знающие люди, мастера своего дела, новый микрорайон спроектировали, и дом Олега, ленинградского проекта, девятиэтажка, на краю жилого массива устроилась – у самого леса – очень удобно. Шаг ступил, природа, зелень, тишина... Квартира прекрасная, шестой этаж. Панорама! Дух захватывает! Монастырская гора, так это место называется. В народе кличут «Монгора». Надо думать, духовная обитель тут когда-то располагалась.

– Ну, что ж, – Сарин зло усмехнулся. – Святое место, святым и жить! – А все же красиво.

И без того крутой Волжский берег в этом месте вздыбилось гигантским лесистым холмом. Крутые склоны заросли листвяком: береза, осина, по низу – ветлы, у самой воды кусты ивняка. Крепкие крученые корни взрыхлили грунт, разлапистые кроны пригрели солнечную разнотравь. Вытянулась в рост человека дудка, разливанно – море медуницы, колокольчика, ромашки. Пологую вершину облюбовала сосна – солнечное, светлое дерево. Выше всех хочет быть. Не терпит чопорная красавица под ногами бесшабашного разгула всякого там неблагородства. Мох ровненьким изумрудно-бурым дорогим ковром прилег, вереск жеманно притих у подножия золотистых колонн. Благодать земная! И строители – молодцы! Смогли, сохранили, сколько удалось, природу. Зелень прямо в самые окошки нижних этажей заглядывает. У дома сосновая рощица смолистым ядреным духом благоухает. Небольшая, веселая. Детишкам в любое время: хоть зимой, хоть летом, – раздолье. Эх! Не художник Сарин, не поэт.

Напрягся уставший, блеклый взгляд. О чем говорить? На этот день, час – холостой, никчемный, в этой никчемной жизни, мужик, капитан запаса Сарин Олег, бывший морской летчик. Крутится жизнь, как та тропка, но никак не выкрутится к одному месту. Вроде крыша над головой, вроде все есть... Или все было... и уж нечего ждать, не к чему стремиться.

Миражом плывет, утопая в буйной зелени, старинный Волжский город, по-над Волгой на десяток километров холмистыми берегами тянется, в водяную зеркальную гладь проваливается. Горизонт далеко-далеко в серебристой изморози с этой густой голубой гладью в одно сходится. И не поймешь, то ли небосклон, потемнев, опустился за далекие заводские корпуса, за голенастые порталные краны, или водное стылое зеркало высветилось, вознеслось на ажурных стрелах этих кранов, под палящее солнце. И там!.. как небрежные мазки кисти неведомого художника, застыли белые, расплывчатые пятна на слиянии стихий, незаметно стекая в дрожащее марево, растворяясь в ситцевой, блеклой синеве. Вот и пойми: то ли корабль белоснежный или облако невесомое, может, по воде, а, может, по небосклону плавают, исчезая в лазуревой дымке.

Из рощицы детские голоса звенят: «Трах! Бах! Ранен! Убит!» Олег прислушался... Нет, показалось. Разбежались, разошлись. На той стороне города, в знойной лазуревой мгле, – дом его тещи, там и семья: сын, жена. Сарин застонал, крепко сдвинул перила. Заказан ему путь туда... заказан!

Но у него есть время, он должен! Он обязан разобраться в себе, ему не жить, если не поймет, откуда все! Что и чем крутит и мутит его? За что?.. Почему так безжалостна с ним судьба, почему она так поступает... Вот опять... опять эта память... ну что ей нужно, что она меня терзает. Олег обречено опустился на маленький стульчик, обхватил ладонями голову...

Досадливо потер ладонью щетинистую щеку. Лучше уж о вчерашнем. Расстроено глянул на мятые форменные брюки, покосился на грязные обшлага кремовой рубашки, попробовал пригладить вихры. Э-хе-хе, моряк – с печки бряк. Поперся в таком виде к военкому, да еще с жуткого перепоя. А пьянка в честь чего? С работы уволился – событие. Сколько он их поменял... И вроде, никто не гонит. Вот последнее место. Мастер на сборке, чего проще: работяги дело знают, сиди в конторке, мух считай. Хуже каторги сиденье такое оказалось. Хоть рассчитали оперативно, в два дня. Когда бегал, в заботах, о выпивке не думал. Мыслишка мелькнула: без долгов вроде, приоденусь по-цивильному.

Второй год, как комиссовали Сарина, а все армейское донашивает: временами бывал богат, но не больше недели. Все успею, успею... Случалось, к теще на другой конец города ехать приходилось, кланялся: «Дай тройак». На водку не занимал, только на хлеб. Отдавать не отдавал. Зло стукнул кулаком о перила: два года, и человеческий облик тютю.

Взять вчерашний день. Получил расчет, деньги в кулак, глаза под ноги и мимо стекляшки. Напрягся! Аж липким потом покрылся. Нет! Черт дернул, оглянулся. И так заманчиво-призывно засияли витражи забегаловки на взгорке, в сосновой молодой поросли. Мучительно... притягательно потянуло оттуда неповторимым духом полутемного обширного зала. Захотелось потолкаться в пропахшей пивом, табаком, негромко галдящей толпе. Удовлетворенно отдуваясь, пробраться: в одной руке пара запотелых пивных кружек с пенистой шапкой, в другой жестяная розетка с ломтиком черствого хлеба и двумя кусочками селедки, – к далекому столу, осмотреться, может, кто знакомые есть. Поздороваться.

Хорошо Олегу тут, в пропахшем человеческой усталостью и покоем зальчике. Всю сознательную жизнь пугали и стыдили его этими стекляшками: сто грамм с прицепом, случайные знакомства, постыдные связи... Может и так... может и так. Былое былем поросло. Нынешняя среда обитания. Тут можно поплакаться любому, и сам кому-то посочувствуешь, оценишь свои утраты, горести. Вышли на крылечко под вечерний, неожиданно тихий, чистый, янтарем разлившийся над Волжскими, далекими горизонтами, небосклон. Давай дорогой: тебе сюда, а мне туда. Город большой, второй раз навряд ли увидимся.

Глава 2

Ну, а если о вчерашнем, если поднапрячься... Вечер накануне, как обычно начался, так же привычно и закончился. Никаких неожиданностей не предвиделось, лишь бы поумному домой добраться. Тронулись с малого, что потом было, и как Олег домой попал, в толк не взять. Ментовки избежал, в том и прелесть, но и еще что-то было?.. С утра разлепил веки: бутылка вермута у дивана – полная, тяжело покряхтел, похлопал себя по щекам, полный мрак... и сейчас не вспомнить, по чьей подсказке поперся в военкомат. Но ведь кто-то сбил его с толку? Кто там был? Что за разговор? Что-то очень важное произошло!? Посыл-то он удержал, а вот что к нему прилагалось, какой смысл этого посыла – вылетело напрочь. Да... такие дела, по всей видимости, за смыслом и приперся к военкому.

Встал сегодня ни свет, ни заря: охи да вздохи. С полчаса ходил возле стакана с вином. Опохмелился, отдышался, потащился в город: может, там прояснится. Нет – отлуп. Полный, пузатый полковник досадливо поморщился: «Ты соображаешь, куда лезешь?» Олег чертыхнулся. Не вспомнить, еще и жара эта...

Посмотрел через оконное стекло внутрь комнаты. Возвращался домой подавленный, расстроено ругал себя. Стекляшку в запале успешно миновал, но у винного остановился. Подумал, зашел, купил пару портвешка. Дерьмо винцо, но дешево и градусы есть. Стоят теперь бутылки на столике, в солнечных лучах кровавым рубином искрятся: краска хорошая. Опять ругнулся, зашел в комнату, налил полный стакан, посмотрел на свет: благородный, глубокий оттенок, а отрава. Вздохнул, зло сжался нутром. Все! АЗС вышелкиваю одним движением: выпил, как-нул свирепо, потер ладонью лицо, теперь – до победного конца.

И вдруг!.. Растеряно присел на диван. «Вспомнил! Все вспомнил!» Утром незабытая часть вчерашнего разговора потащила в военкомат. А нужно было чуть по-другому, в другое место. Стукнул кулаком по колену: «Ну, обормот! Ну, пьянь!» – вскочил, возбужденно забегал по комнате. Посмотрел на часы: все, сегодня поздно. Добро, себя в порядок приведу. А завтра?.. Завтра с утра в училище. Вышел, успокаиваясь, на балкон. Там! Вон... немного левее огромных, желтых корпусов турбинного завода! Во-о-н... кипеневыми, зелеными шапками клубятся ясени, тополя – их кроны. Чуть темнее, смотрятся осадистые холмы вершин, корявых от времени осокорей. Отсюда кажется эта зелень непролазно дремучей. А под нею совсем по-другому: ухоженные газоны, вдоль асфальтовых дорожек – постриженные ромбом кусты жасмина, шиповника. Обширный, пегий от зноя, замерший асфальтовый плац в окружении могучих, старых деревьев. Там все сурово, вечно, монументально: и деревья, и корпуса построек из бурого кирпича, выщербленного временем, со всевозможными портиками и балконами. В этой строгой тишине и жара как-то поспокойней. Возле плаца – двухэтажное здание, оно вроде не велико, вроде неказисто издали – штаб. Начальник училища и все его замы и службы в этом, с виду благосклонном, приветливом, строении находятся. Вот туда Олегу и нужно. «Балбес!» – опять ругнул себя. Но ведь и верно! Приказал себе, не трави душу. И не травил, как переехал, ни разу в те места не заглянул.

Вспомнил застолье в портовом ресторанчике, какого-то чина напротив! Вроде, подполковник... Разговор весь так и не восстановил в памяти, но и этого хватило, чтобы в нервном ознобе заметаться по комнате. Похоже, в его судьбе, в его жизни все может неожиданно перемениться. Сарин откинулся на спинку дивана. Ну что, парень? Не спугни, не напортачь... Ведь ты кричал! Орал! Истерики закатывал, как институтка... Почему тут... почему...? Вот тебе и почему...

До полуночи возился Олег: грязи и мусора за время холостяцкой жизни скопилось немало. Убрался, сполоснулся в ванной. Усмехнулся: «Стараюсь. Эх... Неспроста стараюсь! Сплюнь, – налил вина, с наслаждением выпил, – ну... краска!»

Развернул карамельку, забросил в рот, задумался. Может, рано занервничал, ладно, утро вечера мудренее. В сон провалился, как в яму. Открыл глаза с первыми лучами солнца. Балконная дверь открыта: дышалось легко, утренняя свежесть приятно бодрила. Золотистый лучик зацепился за уголок комнаты, отраженный стеклом, мягко надавил Сарину на прикрытые веки. Лежал тихо, трепетное ожидание замерло вместе с этим лучиком. Все у тебя будет хорошо! Все!..

В восемь Олег стоял у зеркала, разглядывая свое отражение. Тщательно отглаженная кремовая рубашка подчеркивала мужественную жесткость лица. Даже цвет глаз изменился. Появилась глубокая пытливая напряженность. Похлопал по карманам: документы на месте. Щелкнул ногтем по бутылке с вином: «Ну, с богом!»

Через КПП пропустили без вопросов. С замиранием сердца ступил под тень ясеневых крон, глубоко вздохнув, пошагал к штабу училища. «А вдруг, с пьяных глаз почудилось, или сам, этот подпол, наплел, чего попадя. Раскрутил себя, – даже приостановился. Матюкнулся, – Институтка!»

Дежурный по штабу задержал Сарина, – Вы к кому, по какому вопросу?

Олег глянул на часы, – По какому вопросу не знаю, к десяти начштаба вызывал.

Лейтенант равнодушно кивнул, – Идите, второй этаж, направо.

Сарин осторожно прошел по ковровому покрытию. Тихо – до звона. Стучит где-то пишущая машинка. Задержался у училищного знамени, кивнул в приветствии головой. Солдатик вытянулся. Знакомо: жарко, тяжело два часа на одном месте топтаться. Поднялся на второй этаж, остановился у оббитой, бордового цвета дерматином, двери. Табличка серебром сияет:

Начальник штаба ВВАУЛ
Плп-к Болотков Г. Н.

Вот оно что... Олег усмехнулся. Как давно это было!.. четырнадцать лет назад, штаб приема училища. Сарин одним из первых приехал из своей части, и его, и вот этого подполковника, а в то время рыжего, долговязого солдатика, бросили на прорыв, в помощь начбюро приема капитану Лагутину. Абитуриентов со всех концов страны – сотни. Да где там сотни, и это вспомнил: одна тысяча восьмьсот человек прибыло. С утра до вечера с Генкой и еще парой солдат корпели над документами, оформляя ребят по всем службам. Им предстояла медкомиссия, потом вступительные экзамены.

Болоткова, студента политехнического института, после первого курса на год призвали в ВС. Парень грамотный, заметили, а может знакомство, служил год при училище. Дружили они в то время не очень долго, месяца два, пока Олег сдавал экзамены, а там дороги надолго разбежались. Встретились, когда Олег, окончив училище, распределялся по месту службы. Болотков после института остался в ВС: получил назначение на должность начальника строевого отдела в учебный полк. Предлагал Сарину в нем инструктором. Олег отмахнулся: не для меня, а вот на Дальний Восток – не откажусь, и совсем хорошо, если в морскую авиацию попаду. Так оно и получилось, поблагодарить Гену в то время не успел. Сейчас сделаю. Постучал, вошел.

– Вы к кому? – поднял голову от машинки рыжий лейтенант.

Сарин остолбенел, – Генка?..

– Нет, нет, все вот так. Наверное, вы давно не виделись. Лейтенант Зорин. Проходите.

Олег осторожно прикрыл за собой дверь, – Разрешите?

Из-за массивного стола поднялся высокий подполковник. Мелкая россыпь веснушек, седые с рыжиной, виски, чуть одутловатое лицо, смеющиеся глаза и сталь в их темной глубине. «Он, Гена, несомненно, он!»

– Ну что? Узнал? Я уж искать хотел. Здравствуй!

Внимательно вглядываясь в друг друга, обнялись.

– Давай-ка по-старому: я – Гена, ты – Олег.

Сарин несколько смешался: вроде все так, но и готовность вытянуться перед высоким должностным лицом за два года разгильдяйской жизни не притупилась. Заметив мучения Олега, Болотков хлопнул его по плечу.

– Ладно, ладно, расслабься, давай присаживайся, поговорим. И без лирики. В общих чертах знаю, знаком с твоими метаниями и терзаниями, но треп под градусом все же не впечатляет.

Олег растеряно буркнул, – А что я тебе говорить должен? Ты не поп, в грехах исповедоваться не собираюсь. Вины с себя не списываю, если она есть... ни на кого не в обиде. Ну, а что лишнего наплел, извини, пьян был!

– Успокойся, – Генка встал, прошелся по кабинету. До этого сидел рядом с Сариним, теперь, немного подумав, занял свое обычное место. Что-то переложил на столе, выровнял телефоны: их целых четыре стояло по левую руку. Сдул невидимую пыль с полированной столешницы.

«Что ж ты нервничаешь, мой старый товарищ... – Олег ругнул себя, – пришел за делом, не лезь в бутылку»...

Болотков поднял голову, вонзил холодный, немигающий взгляд в Олега.

«Черт! Глаза, как штык ножи»...

– Ну что, капитан Сарин? В пекло лезешь! На передний край? Кровью что-то кому-то доказать хочешь? – усмехнулся, – кому! Ни-че-го! Не имеет смысла ни доказывать, ни, тем более, кровь за это лить! Ни перед кем ты, Олег, не виноват... И никто другой! Нахмурился, – только скажи, зачем к военному без меня поперся, сопли распустил?

Сарин поежился, сердито задышал:

– Ну, что смотришь? Забыл или запил, о чем говорили? Или инициативу хотел проявить? Если запил, понятно. Если инициативу, то дурак! Сам знаешь как к этому в ВС относятся.

– Перебрал крепко, с утра опохмелился, в голове ералаш, вот и поехал, – Олег поморщился под внимательным прищуром глаз Болоткова, но взгляда не отвел.

– Военком же заметил твое состояние, о ком, говорит, беспокоишься? Бичара, алкаш подзаборный, подведет!

Сарин почувствовал, как наливаются кровью щеки.

– Ну, ну! Краснеешь, значит, все на месте. Давай помыслим. Ты должен понять: я тут, в отличие от некоторых, не опохмелялся, хотя и болел, а работал. Короче, поспрошал... извини. Есть некоторые неясности, но не главные, чисто бытовые.

Олегу казалось, Генка в некотором обремененном затруднении. Ему стало стыдно, еще больше обидно: «Чего навязываюсь?» Поднялся, – Извини, если дело, так дело, нет – так нет.

– Сядь, совсем распустился на гражданке. Ну, хорошо. По серьезному, желание твое, если, как говорится с позиции Родины, понятно и оправдано. А может, еще какой подтекст есть?

Олег нервничал под колючим взглядом Болоткова. Устало посмотрел тому в серо-стальные, холодные глаза, – Какой еще подтекст? Откуда? Пропадаю, как последняя падла, пропи-ваюсь, гнию заживо! Не сегодня – завтра под забором сдохну или своей блевотиной захлебнусь. Сколько там молодых, глупых гибнет, им бы жить да жить. Сам пойми, мутит меня от своей никчемности. Там хоть польза какая, а тут!.. – Олег махнул рукой, – Ну пью! От тоски, от ненужности. Не преступник, не вор...

Генка задумчиво постучал карандашом по столу, – Да... Не вор, не преступник. Тоска... ненужность... мутит. Да...

Олег следил за выражением лица начальника штаба. Вспомнил, что прочили когда-то Генке в институтских стенах высокие перспективы. А действительно, умница, какой умница в далекое время был Болотков. Зачем остался в армии?..

Генка поднялся, открыл сейф, достал неполную бутылку коньяка, две рюмки. Заметил ироничный взгляд Олега. Улыбнулся:

– А как же, и опохмеляемся... Тоже, – разлил коньяк, поднял стопку, – давай по чуть-чуть и к военкому. Есть возможность помочь герою, пожелавшему остаться неизвестным в выполнении своего интернационального долга, – сделал глоток: «Хорош!» – добавил, – в дружественной нам стране. – Остро глянул на Олега, повторил, – есть возможность, но очень – очень непросто это сделать, о-о-чень высокий уровень исполнителей.

Сарин почувствовал, как его начало знобить: жарница, духота, а лоб покрылся холодной испариной: «Не может быть! Не может быть!» – застучало в висках.

– Да не трясись ты раньше времени, – заметив состояние Олега, бросил Генка.

– Я не боюсь.

– Это понятно, что не боишься, а я вот боюсь, – Генка поставил было бутылку в сейф, подумал, отдал Олегу, – пристрой, пригодится, – крикнул в приоткрытую дверь, – Зорин, где машина?

– На месте, товарищ подполковник.

– Если что, я в военкомате.

– Все понял.

Подходя к газику, Болотков придержал Олега:

– Слушай внимательно. Официально с тобой никак не получается. Консультировались со своими в штабе округа. Можно сделать, но возни... и времени много уйдет – война, не дай бог, кончится... – поморщился, – затянули акт. – На что-то решаясь, заглянул Олегу в глаза, – без выкрутасов решил?

Сарин сердито боднул головой.

– Понятно... есть вариант, очень хороший, без сучка и задоринки. Два-три дня, и ты на месте. Твое разумное согласие нужно.

– Да согласен я! На все согласен!

– Не ори! – поморщился Генка, – с семьей у тебя все?! Развод!.. О матери хоть подумал? И приветы не шлешь. Кстати, почему?

– У нее своих забот хватает, не до меня. Не тяни!

– Не тяну, слушай! В тот день, как я тебя встретил, утонул по пьянке в Волге капитан Максимов. Направление у него в Афган, должность – командир мотострелкового взвода. Сегодня какое? Десятое июня. Пятого обязан был прибыть в часть. Тут какие-то именины, комендант сделал бумагу. Сам знаешь, как у нас, он вроде убыл, и в часть по идее должен прибыть, а хлоп – утопленник, и что ты думаешь?... вот так! Теперь сообрази, что этому сердобольцу грозит.

– Что заслужил, то и получит, – так и не понимая, какая связь может быть между утопленником Максимовым и живым Сариним.

Болотков передернулся, как от зубной боли, – Ты вместо него поедешь!

– Ну и прекрасно, не обязательно летчиком, я на это и не рассчитывал.

– Каким летчиком? – взвыл Гена, – под его документами служить будешь: был Сарин, будешь Максимов! Ну, понял?

– Все понял...

– Да ничего ты не понял, садись в машину, поехали! До военкомата двадцать минут. Сиди, мысли.

Вся жизнь Сарина, как в калейдоскопе промчалась перед глазами, защемило сердце. Мама, сын, жена... И все, вроде, так удобно: шестой этаж, панорама. Работу найду, пить брошу... Вспомнив душную конторку, сжал зубы. Болотков молчит, чуть посматривает на Сарина. Машина уже давно стоит у ворот со звездой в половину железной створки. Спросить? У кого? Расслабился, прикрыл глаза, откинулся на спинку сиденья. И без того жесткие черты смуглого лица заострились, потемнела кожа подглазьев.

Болотков удовлетворенно хлопнул Олега по плечу.

– Ну что, осознал? Пошли.

Комендант, полковник в годах, поздоровался с Сариним за руку, чуть задержал ее.

– Орел... вижу... вижу: летун. А то заявился! Извини, как из мусорного бачка вытащили. Я все ж в годах и чины немалые. Да и дело непростое, – суетливо подвинул стулья. – Садитесь!

Пытливо глянул на Болоткова, тот ободряюще кивнул головой.

– Давайте, Андрей Яковлевич, ближе к делу, он в курсе.

– Ну-с, ну-с...

Полковник прихлопнул ладонью тощенькую папку.

– Ну, что, дорогой Максимов Николай! Времени у нас мало. Привыкай к новой фамилии, к имени. Времени в обрез. Срочно делаем документы: офицерскую книжку ты потерял, восстановили, потому и задержался, наказание, значит, понес, – военком переброевал листки бумаги на столе. – Так... тут порядок, тут нормально, тут... хорошо.

«Как же, – думал Олег, – ну, в этом личном деле подправят, а их ведь два. Другое где-то в верхах – дублируют друг друга». А впрочем... какие личные дала, я же Максимов... Офицерскую книжку новую, и все проблемы.

Заметив, как внимательно, напряженно всматривается Сарин в манипуляции Андрея Яковлевича, Болотков засмеялся.

– Не смотри карасем, Олег, он не шука. Бумага стерпит. В его конторе сотни таких, как ты, можно разжаловать, повесить, наградить, демобилизовать, – вздохнул устало.

– Давай бутылку!

– Минутку, минутку! – забеспокоился военком. – Ты, это, Гена, еще молодой, не наводи тень на плетень. «Демобилизовать... разжаловать... бумага стерпит», – полковник постучал кулаком об стол. – Первый раз такое! И человеку поможем и...

– Ну, ну, договаривай! – опять засмеялся Болотков.

– Да пошел ты! Идите фотографироваться. Форму у капитана Дроздова возьмете. Одна нога там, другая тут! Не мешкайте! Все потом. Ящик ставлю! Все! Валите!

Они зашли к дежурному, забрали китель, рубашку, галстук.

– Пройдемся, – предложил Генка. – Ну и пекло! А там ведь пеклей, по всем статьям пеклей!..

Олег молчал. Все произошло так неожиданно, стремительно: кошмарный, нереальный сон. Тряхнул головой. Так не бывает. А вот случилось! Зло подумал: «Крест на мне поставили. Хрен вам! Суну в рожу Ольге военный билет: смотри, с... сыну б сказать: не отворачивайся от отца, не стыдись...»

Как подслушав, Генка тяжело проговорил:

– Надеюсь, понимаешь, на что согласился... сам... назад пути нет. Всех под монастырь подведешь. Ни днем, ни ночью, ни в пьянке, ни в бреде – Максимов Николай, и точка.

– Да все понимаю, не пугай.

После фотоателье: фотки будут готовы через час, – зашли впельменную. Заказали по две порциипельменей и по сто грамм коньяка. Расплачивался Генка и сам же обслужил столик. Немногочисленные посетители с интересом наблюдали, как высокий щеголеватый офицер с достоинством расставляет блюда, раскладывает ложки, ставит рюмки с коньяком перед гражданским. Олег часто заходил сюда: одно время работал рядом ночным воспитателем у ГПТУшников.

Улыбнулся. Как-то с Ольгой зашли перекусить. Уже в разводе были, случайно встретились. А тут девчата из училища: шушукаются, хихикают, ревниво, даже с пренебрежением спутницу Олега с ног до головы осмотрели. Та обиделась.

– Это за что они меня так?

А вот сегодня нет никого. Жаль, хотелось на девчонок глянуть. Сердце дрогнуло: может, видит он это в последний раз.

– Не тужи, – Генка поднял стопку. За тебя. За тебя, капитан!

Говорить не хотелось. Болотков не мешал. Молча прошлись по берегу Волги, постояли у вечного огня. Город изнемогал от полуденной жары, даже самое шумное, многолюдное место – базар, сиротливо притих. Сарин вглядывался в разморенные лица земляков: спешат по своим делам и не знают, что рядом с ними происходит. По крохам, по молекулам отрывал себя из обжитого, привычного мира. И эти люди, и он сам вчерашний, казались уже пустыми и не нужными. Так хотелось крикнуть: «Ну, что вы суетитесь, плохо ведь живете, наверно, не так нужно! Отступитесь от этих тенистых уютных улиц, рванитесь в желанное, в неизведанное...»

– Кем чувствуешь себя? Не дай бог, Матросовым! – вернул на грешную землю Олега Болотков.

– Ох, и дока ты, начштаба! – покачал головой Сарин.

– На том стоим, дорогуша, на том и стоим! Давай-ка, делами займемся.

Военком встретил их, как радушный, хлебосольный хозяин. Суетился, бегал, объяснял. Не солидно смотрелось поведение Андрея Яковлевича. Да черт с ним, нервничает, а как бы ты на его месте себя чувствовал? Хорошая работенка: теплая, денежная. Вот и трясется.

– В два дня желательно все оформить. И ты все подбери, чтоб ни сучка, ни задоринки, – разливая по рюмкам коньяк, напутствовал Болоткова военком, – Чтоб все честь по чести!

– Не волнуйся. Ты делай документы, он завтра будет готов. Сейчас, прямо от тебя, махнем на вещевой склад: экипируемся, как положено.

– Что их делать...

Садясь в машину, Олег спросил: «Слушай, начштаба, а как с квартиркой быть?»

– Как это?

– Ну, так это. Квартира у меня хорошая. Двухкомнатная.

– А что ж ты молчал? – растеряно зашипел Болотков.

– Выскочило из головы.

– Выскочило... разволновался. Хорошо, что не отвалилось. Кто там прописан?

– Я, один.

Генка стрельнул взглядом в сторону.

– Нет проблем: едем в жилфонд и в бюро по трудоустройству, потом к нотариусу. Ничего, дела житейские, – успокоил он Сарина.

– Трудоустраиваться зачем?

– Узнаешь, отмахнулся Болотков.

До вечера вопросы с квартирой утрясли. По документам завербовался Сарин рубить уголек в Воркуту. Составили завещание о наследовании жилплощади по истечении двух лет сыном Олега. При наступлении совершеннолетия он может поступать с квартирой, как ему заблагорассудится.

Генка сначала заартачился, потом махнул рукой:

– Все правильно: много в рот положишь, можно и подавиться.

– Это ты о чем? – не понял присказки Олег.

– По бабам поехали, капитан, вот об этом я!

– Набрав выпивки, закуски, закатились к девчатам-швеям в барак.

– Что-то не по чину развлекаешься, – заметил Олег. Болотков, стоя на деревянном покосившемся крыльчке, вытирая пот с лица, буркнул:

– Дитя трущоб, родился и вырос в этом бараке. В исключительных случаях навещаю: цени, капитан. Сарин наклонил голову, прищелкнул каблуками: «Почту за честь!»

Гулянка получилась ошаленная. Не успели они ступить в коридор, как их со всех сторон облепили детишки. Генка избавился от них по-барски: сунул красненькую черноглазой девчонке.

Светочка, мороженого на всех, – восторженно галдящая толпа вмиг очистила помещение. Болотков облегченно вздохнул, – «Вымогатели».

Барак двухэтажный, семей на пятьдесят, некоторые комнаты были заселены молодыми девчонками. Выглядывали их смазливые любопытные рожицы.

– Не заглядывай, не наш контингент, – Генка потащил Олега к угловой комнате:

– Тут мы жили, сейчас сестра с мужем ютятся.

– Что ж не подмогнул с квартирой: ужас какой-то, содом.

Болотков свирепо посмотрел на Сарина:

– Помолчал бы.

– Извини.

– Ладно, прощаю.

Сестра Генки – молодая, статная женщина с такой же серо-стальной колючей остринкой в глазах, встретила их довольно холодно.

– Тебя только и ждали!

– Галочка, в чем дело, что случилось? Полгода не виделись.

– После твоего «виденья», моего Ваську с работы чуть не поперли.

– Где же он сейчас, бедолага?

– В ночную, слава богу, отбыл, успел.

– Ну, тогда зови Верочку, друга в Афган провожаю.

Галина с интересом посмотрела на Олега.

– Ну, раз такое дело... зачем тебе Верочка? Кобель ты, Генка, хоть и шишка большая. Чего женщине голову крутишь? Отстань от нее, дай жизнь устроить.

– Ладно, ладно, завела, иди.

Сарин наблюдал за перепалкой. Чувствовалось: есть между сестрой и братом не только внешнее сходство. На Олега пахло домашним милым уютом, защипало в глазах.

Пришла Вера – полненькая хохотушка, потом еще постучали, еще: и через час комната не вмещала всех желающих выпить с отбывающим. Напутствия, пьяные речи, сигаретный дым, гитара, – все перемешалось в дикой какофонии. Сарин закручинился. Как ни приятно ему было, что искренне, по-человечески его провожают, а в душе боль: чужие люди его напутствуют в дорогу, чужие люди здоровья желают. Болотков подсел к нему, обнял за плечи.

– Извини, капитан, хотел праздник устроить. Ну, расслабься, что поделаешь? Жизнь такая проклятухая.

– Не извиняйся: тяжело мне – это да. Ну, а одному как? Верно все: мог бы и к своим с тоски ринуться.

Олег внимательно посмотрел Генке в глаза, тот свои не отвел.

– Верно понял, и это тоже... Ну, лады, меняем кабинет, пришло время по-тихому отдохнуть.

– Навряд ли получится, и сколько их можно менять, эти кабинеты. Тут на целую неделю работы.

– Успокойся, главную заповедь пьянки не забывай: больше пьешь, больше закусываешь.

Олег и без Генки знал святое правило застолий. Но в какой-то момент почувствовал, что еще чуть-чуть, и безобразно упадет под стол. Ринулся к Болоткову, тот отмахнулся.

– Галя, присмотри за капитаном.

Последнее, что помнил Сарин, это как поили чем-то сильно шибящим в нос. Вяло отметил: «нашатырь – уже не поможет». И темнота, провал, очнулся от крепких шлепков по щекам. Затем его схватили под мышки сильные руки, жестко куда-то потащили. Голова болела, тош-

нило, успел заметить во дворе газик Болоткова. Его поволокли мимо, к колонке в глубине двора, там слышался шум воды, приглушенные стоны, ругань, кто-то над Сариным пробасил:

– Хватит, товарищ подполковник, простудитесь. Капитана в порядок привести пора.

Олег и охнуть не успел, как его сунули под тугую ледяную струю. Сил сопротивляться не было: терпел.

– Ну, как?

– Хорош, дайдохнуть! – обессилено опустил на крылечко.

– Товарищ подполковник, ну разве так можно? Ваша все училище на ноги поставила.

– А... пошла она!

– Она то пошла, а я всю ночь вас искал.

– Ну и что ж не нашел?

– Со мной ездила.

– Да!.. Молодец, Гринев! На дембель первым поедешь.

– Она говорит, последним отправит.

– Хватит! Я пока начальник штаба! Эй, Са... Максимов, ты как?

– Ой, не могу, кишки вывернуло.

– Ничего, посиди, подыши. А и славно же мы гульнули! Давай так сделаем: сейчас мы тебя завезем домой. Учти, опохмелка за военкомом! Сам напросился... Подъедем после обеда. Не шастай, отлежись – времени мало.

– Где бродить? Ждать буду.

– Ну, добро, садись в машину. Погнали, Гринев.

Глава 3

Олег вышел из машины, постоял у подъезда, провожая взглядом отъезжающий газик. Осмотрелся. Восходящее солнце пламенеющим, золотистым заревом прихватывало верхушки сосен. Дом до нижних этажей весь в розовом цвете. Запахло свежей хвоей, терпкая, острая горечь. С Волги тянуло прохладой, запахами разлагающихся водорослей. «Цветет водичка, – подумал Сарин, – вроде, рановато. На рыбалку так и не сходил». Несколько раз тяжело вздохнул, поднялся к себе в квартиру.

Открыл балконную дверь, разделся, встал под душ. Минут двадцать стоял, попеременно включая то горячую, то холодную воду. Вышел на балкон, крепко растерся полотенцем, поставил тело чуткому, ласковому утреннему солнышку. Как в парном молоке: и не жарко, и не прохладно, – грань, после которой начнет припекать. Полежал немного на диване. Спать не хотелось. Пустой желудок сердито заурчал, требуя завтрака. Хмель почти не ощущался, так, некоторая слабость. Не с чего болеть: пили коньяк, закуска, вроде, неплохая, а уж спал, как в обмороке – расслабуха. Олег заглянул в холодильник: бутылка вермута в гордом одиночестве. Тебя тут не хватало. Поморщился, повздыхал. Налил полстакана, выпил. Нашарил в ящике стола корочку, похрустел: есть все равно хочется. Выудил из под пустых полиэтиленовых пакетов два брикета горохового супа, поставил воду. Присел на табуретку у стола.

– Со мной ли это все происходит. Что я делаю? Может, отказаться?.. Нет и нет! Поздно, поздно! Встал, прошелся по квартире. Чистенько, пристойно. Чего не хватает? Женского голоса, детского смеха. Ну, забронировал, а дальше как? Ага! Паспорт где? Вот. Положим подальше. Пригодится. За квартиру, вроде платить надо? Или, Генка сказал, что с этим вопросом проблем не будет? Не забыть спросить. Все же сходил в сберкассу, заплатил за полгода. Помчался домой, суп на плитке, плита газовая. Открывая дверь, поводит носом, черт, забыл включить. Аппетит пропал. Решил вздремнуть до Генки. Уснул неожиданно быстро. Спал крепко, пронзительные звонки с трудом вывели его из кошмарного забытья. Открыл глаза: белый потолок, знакомые обои. Фу, черт! Приснится же такое. С минуту лежал, вслушиваясь в нетерпеливые, нахальные трели звонка. Испугано подскочил, крикнул: «Иду!» – открыл дверь.

– Ну, ты что! Ну, вояка, так спать! Хоть из пушки пали, весь этаж взбаламутили, – возмущался Болотков. Первым, отодвинув животом Сарина, прошел военком, за ним, с узлами, громила Гринев, шофер Генки. Последним, с пакетами и кульками Болотков.

– Ну? Живой? – осмотревшись, спросил Генка.

– Жив – здоров, чушь какая-то приснилась.

– Это по молодости лет бывает, – усмехнулся военком.

– Да-да, сейчас мы выпьем, и за кошмары, и за то, что молоды, и за то, что там еще кой-чего крутится, – Генка покрутил пальцем у виска. Потом погрозил военкому, – а если там перестанет крутиться – вертеться, то и выпить не за что будет... а может и некому!

Болотков был под хмельком: весел и бесшабашен. Полковник, наоборот, суров и торжественен. Слова Генкины ему не понравились, нахмурился.

– Бросай тут, – кивнул шоферу на середину комнаты. – Часика через четыре подъедешь.

– Может, помогу? – с сомнением оглядывая офицеров, спросил Гринев.

– Иди, иди, сами управимся.

– Ну, ладно, – качнув головой, шофер скрылся за дверью.

– Распустил ты его, Болотков.

– Ничего подобного, а вот от помощи зря отказались, он бы за десять минут управился. Андрей Яковлевич сердито посмотрел на Генку:

– Язык придерживай при подчиненных.

– А то, он дурак.

Да что с тобой, салагой говорить. С чего начнем? Кто на кухне? Я, наверное. А вы формой займитесь. Через полчаса, Генка, исколов пальцы иголкой, взвыл.

– Где этот чертов военком? На кухню смылся.

– Ну, что кричишь! Давай сюда. Погоны не можешь пришить. Что значит, не кадровик.

– Ага, не кадровик, – Генка облегченно перевел дух. – Ну, как там закусь?

За стол Олег офицеров пригласил уже в форме. Примерил фуражку, пару раз крутанулся: кругом, направо, налево.

– Как и не снимал, – удивился военком.

– А что ему делается, сам же говоришь – кадровик, – хмыкнул Генка.

Андрей Яковлевич открыл холодильник, достал бутылку водки.

– Хватит коньяк жрать, – разлил сорокоградусную по стаканам. – Больше ничего не нашел, рюмок, фужеров нет, – встал, расправил плечи, подобрал животик, – ну, давай, капитан Максимов, не посрами Отечество! Друзей не забывай! Подвинул Олегу огромную мясистую помидору, – Бычье сердце, – люблю целые, с грядки, угощайся! – Окинул внимательным, прищуренным взглядом комнату, застолье, посмотрел на Олега, – Хоромы, скажем так, не богаты, не богаты. Но глаз нужен. Кто присматривать будет?

Болотков наполнил стаканы.

– Кто присматривать будет?

– Есть тут одна, – нашелся Олег.

– Надежный человек?

– Да что ты прицепился! – не выдержал Генка. – Все мы сделали. Живым выйдет из этого дерьма, сам тут жить будет. Нет – сыну распорядился.

Андрей Яковлевич взял стакан.

– Гена, ты ведь, действительно, молодой. Из-за этой площади такой может сыр-бор разогреться, что и костей не соберешь. Ну, а если все по уму сделали, то и слава богу.

Болотков открыл холодильник, достал еще бутылку.

– Ну что, теперь за пап, за мам?

Олег помалкивал, закусывал ветчиной, сыром. Он проголодался, дело уже к вечеру, а кроме стакана вина с утра во рту ничего не было.

– Ты ешь, ешь, – напутствовал его полковник. – Смотри, как живые, – он ножом с хрустом развалил надвое трепещущую, исходящую розовым прозрачным соком, помидору.

Генка протянул к мясистой красной половине руку, неожиданно отдернул ее:

– Да оно бьется!

– Ну, все, готов ЭНША.

Андрей Яковлевич макнул дольку в солонку, отхватил кус: по жирному подбородку заструился сок, закапал на скатерть, оставляя почему-то ярко-красные, расплзающиеся пятна. Испуганно уставился на них, тряхнул головой, растеряно глянул на Сарина, потом на Болоткова, потрогал пальцем, лизнул. Опять растеряно посмотрел на офицеров.

– Язык прикусил от жадности, – засмеялся Генка, – Смотри! С лица сходит, сейчас блевать помчится.

И действительно, военком, зажав рот ладонью, ринулся в ванную.

– Зачем ты его так?

– А... пошел он! Крыса! Ты был на кладбище?

– Конечно.

– Вот, вот, у него спрости. На аркане не затащишь. Он – «не переносит» – зло передразнил Генка. Взял половину похожего на сердце помидора, аккуратно посыпал солью, откусил, потом еще, еще.

– Вот и все. Прекрасная овощь, чем и знаменит наш город. Налегай, там таких нет. Вспоминать будешь – слюной изойдешь.

Появился Андрей Яковлевич, смущенно покряхтывая, подсел к столу. Долил в стаканы водки.

– С детства кровь не переносу.

Генка что-то хотел сказать, потом махнул рукой.

– По последней! Завтра с утра заскочу за тобой. Борт транзитом до Ташкента будет, может, на нем получится.

Вышли из подъезда. Вечерний воздух посвежел, загустел запахами. С Волги потянуло пахучей сыростью. Болотков раздул ноздри, развернул грудь.

– Как вода-то пахнет. Вроде гнильца, вроде прелость, а вроде огурцами свежими.

– Травой скошенной, сеном степным, – вставил военком.

– Морем: йодом, солью, рыбой, – добавил Сарин.

За домом зашумела машина, вывернулся из-за угла Газик. Андрей Яковлевич приобнял Олега.

– Ну, капитан, ни пуха, ни пера. Завтра без меня. Чем мог, тем помог!

Болотков сплюнул три раза:

– Там я пакетик положил, в сумку твою курсантскую, отдашь, если спросят меня. – И на вопрошающий взгляд Олега, небрежно бросил:

– Ничего криминального. Деньги там. Знакомый попросил передать с оказией. Долг, какой-то. Не афишируй особенно, – махнул рукой, – до завтра.

Олег постоял, не спеша побрел по тропке, среди сосенок, в сторону автобусной остановки. Мучительно хотелось увидеть сына, прижать, приласкать, почувствовать родное, доверчивое тепло под рукой. Посмотрел на себя в оконное стекло магазина: фуражку забыл. Остановил такси: «Подбросишь до окраины?» – «Садись, командир!»

Таксист попробовал разговорить Олега, но, встретив короткие односложные ответы, замолчал.

– Тут сверни, – Сарин показал на проулок. – Потихоньку рули, у второй улицы остановишься.

Этот город любил природу: хоть центр, хоть окраина – зеленые аллеи. Тещин – второй дом. У двора асфальт, в этот год, наверное, положили? На лавочке, в тени тополей сидит сама; старшая дочь, Ольга, стоит напротив. Сын с велосипедом ковыряется, прислонив его к дереву. Сарин отпрянул от окна, шофер молчал. Олег гонял желваки, вминая в себя желание рвануться из машины, упасть перед ними на колени, крикнуть: «Люблю я вас, простите; может, никогда уж не увидимся, не держите зла, обиды на меня!»

Ольга что-то сказала сыну. Тот, беспомощно запнувшись, сделал несколько шагов к машине.

– Поехали!

Когда выезжали на трассу, Сарин оглянулся: три одинокие фигуры застыли у кустов сирени: «Вот и проводили». Шофер покосился на Олега.

– Твой?

– Да... мои...

– Куда теперь?

– Назад, домой.

– Уезжаешь куда?

– Уезжаю.

– В Афган, наверное?

– Может быть...

– Чего ж не вышел, а как не увидишь больше?

– Испугался.

– В таких делах страх побоку, семья не шутка. Вот у меня, например, – досказать не успел, подъехали к остановке.

– Извини, сколько с меня? Домой пойду.

– Подожди, командир, не надо денег, на минутку задержу, – шофер, может немного старше Олега, достал из бардачка бутылку водки, – Желаю тебе, капитан, вернуться живым и здоровым, к семье вернуться. Счастья желаю от всей души. Он выпил, налил Сарину.

– Спасибо за добрые слова, за пожелания, и тебе всех благ.

Долго стоял на остановке, провожая и встречая автобусы. Стоял, ждал, может приедут. Нет!!! Никого нет. Побрел домой.

Вынул из вещевого мешка полевую курсантскую сумку, взял в руки пакет. «О-го-го! Рублями насовали. На паперти стоял?» – опустил сверток в среднее отделение, с одной стороны положил томик стихов Блока, с другой пару общих тетрадей с конвертами. Кому писать? Сверху положил бритвенные принадлежности, тюбик зубной пасты, крем, одеколон... «Вот так-то лучше будет». Вышел на балкон.

...все на земле умрет,
и мать и младость
жена изменит,
покинет друг,
но ты ищи другую радость...

Блок... Жгуче защемило где-то глубоко внутри, сгреб на груди рубашку, вместе с кожей прихватил, больно, даже не заметил. Замотал головой, застонал. Не думалось, что так трудно будет менять, пусть никчемную, пустую, но ставшую такой привычной, эту жизнь. Часть какую-то, часть... А как легко получалось в пару со стаканом водки, в одинокие вечера отправляться к черту на куличики.

Вот и намечтал... Мой дом, моя крепость, – все беды, невзгоды нес сюда. Больной, униженный, избитый в любом состоянии стремился под эти стены... Захлопнул за собой дверь, и все: можно упасть, перевести дух. Олег любил свою квартиру, как живое существо любил, как отца, уверенного, сильного, которого чуть помнил, и которого ему так не хватало в детстве. Он не бежал со своими болями, переживаниями к матери: терпел, мучился, уходил на речку, часами сидел на берегу, вглядываясь в мрачную глубину. А теперь вот эти стены. Все нес сюда: унижения, растерянность, стыд. Отлежится, отболит, передумается, перетрется, и, как говорить, с Богом, вперед.

Из-под балкона кто-то его позвал. Перегнулся через перила: соседка с нижнего этажа, Света.

– Ты что там пыхтишь? Гостей проводил? Что за праздник?

– Добрый день, Светочка! Может, зайдешь на минуточку? Дело у меня к тебе небольшое.

– Ладно, загляну. Дочку уложу и забегу.

В некоторой обиде Олег на Свету. Красивая, молодая, одинокая женщина, живет с дочкой. Больше ничего о ней Сарин не знает. Если не брать в расчет, что относится к нему с сожаляющей покровительностью. Считает его неплохим мужиком, но для жизни никчемным человеком. А лучшего отношения и ждать нечего. Раза два пугал соседку Олег, и обязательно ночью это случалось. Замок у него английский: дверь захлопнул и все. Через балкон Светкин лезть приходилось. Выговаривала та ему, Сарин отмалчивался: обидно, а что сделаешь. Не всегда таким был.

С Дальнего Востока началось: сбежала от него Ольга. Сарин в госпиталь попал, жена забрала сынишку – и к маме. Приглянулся молодой техник, загуляла разлюбезная, и тью-тью.

Турнули Олега из армии, с полгода по миру поболтался, к семье решил податься. Считал, что он – сторона пострадавшая, униженная: вроде, простил любимой – все будет хорошо. Ан нет, по-другому считала Ольга. Понесло его милую по гуляньям, не остановить. Техника побоку, мужа по-другому. Так и расстались с драками, скандалами, с милицией.

Ну, а с соседкой подлое недоразумение произошло. Света думает, что Олег ей банки на балконе побил. Ох, как она возмущалась тогда, грозилась участковому сообщить. Сарин застыл, окаменел, в ушах звон, кровь от лица в сердце острыми, больными толчками. Казалось, разорвется на куски от обиды и унижения. Не разлетелось. Только и спросил у Светы: «Когда банки я тебе разбил?» – невидяще отвернулся.

Заскочил он тогда домой в неуточное время, без предупреждения. Долго не открывала Ольга, наконец, щелкнул замок, лицо – белее мела, в полубоморочном состоянии, особенно, как на балкон вышел. Вот так, оказывается все было. И покатился снежный ком – разлад в их семье, беспорядочно и безобразно.

Обиделся на свету Олег. А та, признав ошибку, кокетничает потихоньку. Только сосед сумрачен, глаза опустит, и стороной. Да не обида это, самолюбие мужское, униженное, голову к земле гнет. Видится Сарину теперь во всяком взгляде насмешка и презрение. Мол, что, мужик? – гуляет твоя баба? Пьешь, вот и гуляет! А может, и пью потому, что она подлая. И люблю ее, такую, не смотря ни на что.

Олег осмотрел комнату – непорядок. Чтоб не вызывать лишних вопросов, форму убрал в шкаф. Чемодан и вещмешок забросил на антресоли. Немного нервничал: мальчишка, тепла ему, видишь ли, захотелось, ласки, слов добрых, рук женских, нежных. А все же устал от одиночества, неустроенности, от мужских, жестких компаний. Отношения грубые, иногда злые. На себя злые: за безденежье, за нищету, за невозможность чувствовать себя мужиками в этом мире.

В дверь позвонили. Светлана – стремительная, черноокая хохлушка, робко осмотрелась.

– Ты один?

– Конечно, заходи.

– Никого не оставил?

– А... вот ты о чем?

Это бывшие сослуживцы на провода зашли: уезжаю. С женщинами принципиально не вожусь. Проходи, присаживайся.

– До сегодняшнего вечера, да? Ого! Какой стол! И ветчина... а фруктов... виноград, арбуз. Все не тронут. Ждал своих, наверное? – Света внимательно, понимающе посмотрела на Сарина.

Олег, чуть подумав, ответил:

– Они ведь не знают, что я уезжаю. Жди, не жди: не приглашал... Не догадались, сердце не подсказало. Да... вот так, не нужен я им...

– Ты меня для чего пригласил? В пазуху плакаться?

– Ну, что ты! Дело есть.

Она села на стул, к окну, оценивающе окинула взглядом Олега.

– Треба присмотреть за таким гарным хлопцем? Не жених, мечта: и квартира, и друзья. А где форма? Я же видела, ты по улице в ней ходил. Опять в армии?

– Это я так, для баловства. А если серьезно, без шуток, пару лет подождешь, вот тебе и жених.

– Ой, как долго, я старая буду.

Олег засмеялся.

– Ну, как хочешь. Не найдешь никого, мои слова не забудь.

– Запомню, – лукаво стрельнула глазками. – За что пьем? Куда собрался?

– На Север завербовался.

– Ну, и дурак! – женщина замахала руками. – Ой, какой крепкий. Коньяк? Чей? Иностраный, наверное?

Сарин улыбнулся:

– Лучше нашего, армянского, нет.

– Ну да, тебе видней. А все ж зачем едешь?

– Для чего на Север едут? Денег заработать. Жизнь посмотреть.

– Гроши и тут можно зробиць, и жизнь всю не охватишь. Другим оставь, тебе чи мало? –

Светлана, вытирая полотенцем яркие сочные губы, плотно подвинулась к Олегу, заглянула в глаза, – Ты извини за тот случай. Люди вы новые. Мужик пьет, баба, естественно, гуляет.

Сарин сердито насупился:

– Как удобно: все на нас.

– А что? Совсем, совсем, прям, пай – мальчик?

– Ну, не совсем...

– Если не совсем, нечего оправдываться. Давай в постелю, ты ж на этот разговор приглашал?

Сарин ошалело уставился на женщину.

– Ну, что выгаращился! Где спальня, хватит закусывать!

Что за напасть, думал Олег, появишься ты дня на три-четыре раньше, и пропади все пропадом.

Несколько раз за ночь Света бегала к себе: проверяла дочурку. Уже с рассветом, хищно-бесстыже потянулась, изогнувшись сильным, смуглым телом, выставив упругие, мячиками с розовыми сосками, груди, проговорила:

– Эх, и дура я! Какой мужик под боком прел! Отмыть, приодеть, подкормить... оставайся, Олеченька, на кой тебе этот Север.

Сарин опустил глаза.

– Поздно уже, немного б раньше.

– Ну что, «поздно»... Отдай подъемные или проездные, как их там. Если истратил, найду...

Светлана заездила ногами, сбросила на пол одеяло, повернувшись, навалилась на Сарина. Жарко задышала в лицо.

– Приезжать будешь? Писать не забывай, письма люблю...

– Обязательно! Писать, приезжать, любить! Следи за квартирой: ключи тебе оставлю. Она забронирована, все в порядке. Квитанция за квартплату на телевизоре.

– Разберусь.

Олег проводил Светлану, потер глаза, взлохматил волосы. Поспать бы... но нет, нужно собираться. Прибрал все, просмотрел углы и закоулки, полазил по антресолям. Кроме паутины нет ничего, все добро за два года жизни. Глянул на часы, время терпело, привалился на диван. Кажется, только прикрыл глаза, и память готовно унесла его в свинцово-промоглые тяжелые облака, мотнула и бросила в ледяную, бездонную пучину. Какая же все-таки препротивная штука, память... Лучше бы вперед заглянуть?.. Нет! Туда и вообще ни к чему. Значит, так тому и быть, если впереди темно и непонятно, то только в воспоминания...

Глава 4

...Запах йода, секущая боль в лице, заломило, закрутило руки. Сквозь мутную пелену проступило наклонившееся над ним лицо, огромные глаза, вытягивающие боль из его измученного тела. В них вопрос, улыбка, и сострадание. Та история имела доброе начало...

Больше месяца пролежал в госпитале Олег. С докторшей познакомиться не удалось, издали несколько раз видел ее: о, как гордо шествует по коридору, – забоялся. Узнал, что зовут Марина Ивановна, что хирург. Что муж ее полковник, начальник хирургического отделения. Лечащий врач у Сарина, нейрохирург, добродушный, пожилой майор и на осторожные расспросы Олега, лишь лукаво посмеивался. Эх, летчик ты налетчик, не тот у тебя полет, молодой человек...

В дверь настойчиво затрещали, Олег растерянно таращился на беленый потолок. Ну надо же, как реально: запах йода, острый, соленый вкус на губах, внутри, в легких, в сердце. Покачиваясь, встал. Резко сильно провел ладонями по лицу, открыл дверь... Генка, слегка припухший, с тремя царапинами на щеке: припудрено, но все равно видно. Олег усмехнулся, – Кошачья востра коготка?

Болотков смущенно вздохнул, – Да... чуть глаза не выдрала: ревнивая, спасу нет. Ты-то чего расцвел? – Блудливо поводил носом, – Понятно все! Сочувствую, на твое око никто не посягнет. Готов? Давай на посошок!

Олег чуть пригубил, Генка махнул полную рюмку, крякнул.

– Красные тельца и все такое восстанавливается.

– Мне кажется, у тебя этого и так с избытком, – кивнул на веснушчатую физиономию Болоткова.

– Этого хватает, другие проблемы преодолевают. Присядем на дорожку, и с Богом!

В машине Генка напутствовал Сарина.

– Все как договорились. Сейчас мчим в Самару: мне в штаб округа. Генка погладил оцарапанное лицо. Вздохнул:

– По дороге заедем в Смышляевку, на аэродром, к транспортникам. АН-12 в Ташкент идет. Документы в порядке. Разберешься, я думаю, в этих Бетеэрах, БМ едри их, пешках! Командир мотострелкового разведвзвода. Вроде не по возрасту должность, ну, как покажешь. К вертолетчикам не лезь, их там сейчас чуть не пол вашего курса. Ну, не дай бог, столкнешься где, объясни, что к чему, свои мужики поймут. Со штабистами не вяжись, еще та сволота. Ну, все. Вздремну немного

Генка расслаблено навалился на дверцу. Сарин вглядывался в открывающийся ландшафт. Молодец, Болотков, своей напористой опекой не позволил расклеится, запаниковать. День, второй, – и мчит юркий трудяга-газик по бетонной, прямой как стрела, трассе Москва – Куйбышев. Посадки вдоль дороги рассекают уходящую в горизонт степь. В шелковистом изумруде проносятся поля, расчерченные квадратами заградительных лесополос. Как будто кто-то огромным ножом несколько раз, наотмашь, секанул эту нежную ковровую зелень. Чего там только не растет в этих тенистых, рукой человека на сотни километров протянутых, лесных, узких лентах. Сажали дерево и кустарник, способные плодоносить и укрепить землю, задерживать снег, влагу. Есть теперь, где усталому путнику укрыться, отдохнуть в ненастье и зной.

Вспомнил учебные полеты в летних лагерях в самые жаркие дни, вот как сейчас: июнь, июль, – действительно пекло. Солнце нещадно жарит, пить хочется спасу нет. А вода и есть вода: сколько не пьешь, все потом уходит, слабость по всему телу. Не вспомнить, кто предложил: бегали в ближайшую посадку, вначале вишню брали, сок давили. Потом ягода разная пошла: малина, смородина, крыжовник. Насколько легче переносить жажду и усталость, глотнув кислого, до ломоты в суставах сока. Целый день на жаре. Далекое бесшабашное время, здо-

ровье, молодость, полеты, полеты... Олег грустно улыбнулся, майор Давлет... Только и время об этом таджике вспомнить.

Глава 5

– Не сопи, – вдруг буркнул до того похрапывающий Болотков, – желал бы быть на твоём месте. Завидую по-черному, даже злюсь. Везет же дуракам и...

– И пьяницам.

– Да-да, и пьяницам. Сто процентов инструкторов написали рапорта. Да что летчики! Каждый вшивый камендантиска или завсклада изъявил желание пролить кровь за веру и отечество. Вопрос за чье, и кому...

– Ну что в этом плохого? – удивился Олег. Генка покосился на него.

– Ничего, все нормально.

Сарин дернул подбородком:

– Пусть пишут, может повезет.

– Ну да, повезет в цинковом гробу вернуться. Ты что думаешь? Все прям аж спотыкаются, в Афган спешат? А если и спешат, то только не геройствовать. Тебе б задуматься.

– Никак не пойму о чем ты говоришь? Это ж большая политика. Нас Штаты со всех сторон жмут. У границы топчутся. Мы что, по-твоему, смотреть должны? По лапам им, по лапам! Апрельская революция, народ новой жизни желает. Ни оружия, ни армии у них нет. Задавят и к нам подберутся. Не-е-т, мне нечего думать: вперед и только вперед.

Генка внимательно смотрел на Олега, потом усмехнулся, почесал царапины:

– Крепко же ты пил все это время, капитан, ой, как крепко.

– А при чем тут «пил»?

– Ни при чем, конечно. Может это и к лучшему. Про пакет не забудь! Кто подойдет, спросит, привет от меня.

Через полчаса свернули на щебенку, минут через десять остановились у КДП. Генка поднялся наверх. Еще оттуда махнул рукой, дескать, все в порядке. Плюхнулся облегченно на сиденье.

– Успели, давай во-он к тому... дальнему.

Из открытого люка самолета кто-то грозил им кулаком.

– Чуть не на час из-за вас вылет задержали, – сердито выговаривал полноватый, в возрасте, командир экипажа. Щеки его, изрытые щербинками, пунцовели раздражением. В распахе ворота летной куртки комбинезона виден был полковничий погон, – Если бы не афганец, черта с два стал ждать. Все! Погнали!

Болотков обнял Олега, троекратно поцеловал:

– Давай, Олежка, ни пуха тебе!

– К черту! – Сарин сплюнул три раза.

– Это кто? Друган твой или родственник? Обскакал тебя корешок, обскакал, – засмеялся всеми щербинками полковник. – Не горюй, догонишь! А может и нет... Куда? Кем?

– Разведвзвод, пехота.

Полковник присвистнул:

– Да... нет, пожалуй, не догонишь! – испытующе посмотрел на Олега, – Не тужи. Располагайся как дома, – Отвернулся, матюгнулся вполголоса.

Грузовой отсек самолета забит тюками, ящиками. Несколько человек сопровождения груза и присоединившийся к ним Сарин устроились в гермокабине. Четыре солдата с автоматами да прапорщик на Сарина – ноль внимания. Как запустили двигатели, кто где устроился, сразу же и уснули: устали ребята. Не мешало бы и ему вздремнуть: ночь получилась без отдыха: «Ух, жгучая женщина!» Сарин досадливо закрутил головой. Всегда у него так, ну чуть пораньше. А что бы это изменило? Наверное, ничего. Может и ждать будет. Жив буду, вернусь.

Уголек поехал рубать, или чем там за полярным кругом занимаются? Хмыкнул. Неплохо у них получилось. Видать, давно баба одна.

У него и того хуже. Последний год, как говорится, избегайте случайных связей. Ну а какие еще могут быть у таких, как он? Под утро продерешь глаза: голова болит, рядом пьянь какая-нибудь расхристанная валяется. Тошно, противно, и главное, непонятно: было чего или нет? Ноги в руки и бежать от стыда и досады. Тут же все получилось в полном сознании. Олег вздохнул. По пьянке все же лучше. Было – не было, жалеть не о ком. А так! Вроде не налюбился, еще бы пару таких ночек, да жизненные перспективы как бы подмигнули...

Двигатели мощно заревели, корпус самолета задрожал, завибрировал. Сейчас пойдет. Ну все! Олег несколько раз сжал кулаки. Теперь все!

Самолет разгонялся, увеличивая скорость, прапорщик, медленно заваливаясь, опрокинулся на сиденье. Сонно махнув рукой, ухватился за дюралевую спинку, но так и не открыл глаз.

«Силен мужик. Пора и мне устраиваться, часика два, а то и больше будем в воздухе», – положил под голову вещмешок, полежал, закрыв глаза, – не спалось.

Вспомнил такой же полет, наверное, над теми же местами. В Фергане, в десантной дивизии проходил срочную службу Сарин. После школы поступал в институт физкультуры в Смоленск, не прошел по конкурсу. Год на лесопилке бревна кантовал, весной призвали в армию. Полгода учебки и рота разведки: связист – радиорэлейщик. Самое боеспособное подразделение в десантуре. Так что зря беспокоился Генка. Знаком Олег и с БТРами и с БРДэмами.

Пески, пустыня, растрескавшиеся от жары такыры, иссушающая все существо жажда... Прошел через это Сарин. Однажды на учениях потеряли его, а тут песчаная буря. Горизонт вздыбился, растворяясь в серой мгле; поползла, вырастая на глазах в страшное чудовище, черно-багровая пелена. Солнце исчезло, поглощенное мраком, навалившимся давящей, осязаемой тяжестью. Еле успел, обмотав голову гимнастеркой, упасть между камнями. Казалось, наступил конец света: вмиг завывло, заскрежетало: земля, в которую он вжимался, дрожала, как в ознобе: камни шевелились, как живые, готовые унести в страшном смерче. Ослеп и оглох Сарин в доли секунды. Стало трудно дышать: пыль забивала горло, легкие. Руками вцепился в землю: заклинился между камнями. Не раз вспомнил Бога юный атеист. Ноги рвало и метало ветром, чуть не отрывая от тела. Олег пошевелил языком: и сейчас чувствуется противный скрип песка на зубах. Ураган, стремительно налетев, так же быстро и умчался. Сарину двое суток пришлось выбираться из пустыни. Опять лезешь в пекло...

Тревожно на душе. Надо как – то отвлечься, расслабиться. Попробовать в памяти восстановить все, чему учили в десантуре. Трудно Сарину судить, как сейчас готовят бойцов: ему повезло, впервые созданные ВДВ под строгим оком генерала Маргелова, «Дяди Васины войска», представляли грозную силу. Учения за учениями, тренировки до отключки. Новые виды оружия, тактические приемы, – закладывались традиции нового вида ВС. Как они гордились тогда голубыми беретами, тельняшками. В любое свободное время бежали в спортивный городок. Сейчас в моде восточные единоборства. Наверное, достойный вид спорта. Их же, кроме боевого самбо, в то время ничего не интересовало. Проходили гарнизонные соревнования, ездили в округ. По гарнизону Олег занял первое место, на округе проиграл финал. Даже и сейчас вспоминать обидно, чуть не до слез, а тогда глазенки заморозили. Достался Олегу на финал противник опытный, коварный. Подыграл салажонку, казалось, жидковат старлей, Сарин наступал, давил, набирал очки. Раз... – ушел тот от болевого; два... – еле вывернулся из удушающего. Кричали: осторожней, внимательней. Нет же, победа, вот она... рядом. На последней минуте на контрприем попал. С месяц плечо ныло. Если б не финальный гонг, пожалуй, сухожилия треснули. Дикая боль, а Олег терпит. Поражение... не вериться. После награждения, соперник, старлей из Ошской дивизии, остановил Сарина, поздравил. Придер-

жал руку, – Нельзя, молодец, так терпеть! В горячке не на шутку можно покалечится. Работай. Выдержка и хладнокровие: поспокойнее, посолиднее двигайся, дыханье держи. А за поражение скажи спасибо: наука, – старлей улыбнулся, – Не кручинься, мастер спорта, это тебе не фунт изюма.

Вот-вот, урок для Олега серьезный, на всю жизнь. Если построже, поофициальней, проиграл бойцу, использующему первооснову этого вида борьбы: энергию и ломовую силу противника заставить работать против него же.

Лежа на дюралевой, жесткой лавке, и вспоминая юность, Олег приободрился, что бы ни случилось с ним, все не пыльная конторка... Не последним курсантом был, и девчонкам нравился и вообще....

В училище участвовал в самых разных соревнованиях, штангу таскал, на лыжах бегал, по борьбе даже на округе выступал. САМБО – вот это вид, вот это дело! Олег матюкнулся, вспомнив слова Болоткова – патриот етит... Ну а что? Не только в этом дело...

Ладно, студента он в молодые годы как куренка укладывал, хоть Болотков и секцию классики посещал. Выслужился... Классика – ломовая борьба, как небо и земля от самбо отличается. В вольной можно часть самбистских приемов использовать, хотя тоже силища нужна. Но все не то: тела голые, зацепиться не за что. А в самбо: идет на тебя громила, чуть в сторону, помог тому... куда шел...! Вот так! Сел. Посмотрел в иллюминатор. Облачность хоть и редкая, но землю плохо видно в молочной, густой дымке. Прапорщик зашевелился, глянул на часы. Растолкал солдат. Самолет, подпрыгивая как на ухабах, – турбулентность большая – пошел на снижение.

Глава 6

Ташкент встретил их нестерпимой духотой. Олег только к вечеру добрался на пересылку. Доложил, как положено, о прибытии мордатому майору, истекающему, как показалось Олегу, больше пивом, чем потом. Дух, несмотря на кондиционер в его кабинете, как в захудалой пивнушке. Тот посмотрел документы, вздохнул.

– Опоздал, капитан. Даже не знаю, как тебя к ним пристроить. Своим ходом идут и дорогой какой, не знаю: или через Термез, а может, на Кушку подались. Посиди, попробую выяснить. Припозднися, разбежались все. Такая духота, сил нет.

Куда-то звонил, кричал, просил, поминутно вытирая крепкое лицо огромным цветастым платком. Заметив сочувствующий взгляд Олега, пошутил:

– Месяц всего, а пять килограмм потерял. Еще чуток, новую форму заказывать придется. Ну, что, капитан, полк ваш через Кушку пойдет, дня три и там будет. Желательно бы и тебя отправить. Попробуем, завтра где-то в одиннадцать ноль-ноль будет АН-12. Они по своим делам, заодно и тебя подбросят, там подождешь полк. Все! Отдыхай.

Олег оставил вещи у дежурного части и отправился в город. В первую очередь завернул на вокзал. Не узнать. Красавец! А что они увидели летом шестьдесят девятого года: куда ни кинь взгляд – следы землетрясения, жуткая трагедия. Тысячи и тысячи людей остались без крова, без средств к существованию. В трущобах вокруг привокзальной площади ютились толпы бездомных, калеки, всякая пьянь, толпы проституток. Сутки четверо солдат варились в котле человеческого горя: слепые, увеченные: «Подайте, Христа ради!». Где взять? Пять суток из Новгородской учебки до Ташкента добирались ребята. Все деньги проели, до Москвы не доехав, что могли, продали. У самих кишки от голода к позвоночнику присохли, а еще до Ферганы, до своей части добираться.

Сейчас город не узнать. Почти двадцать лет прошло. За такой срок яблоневое семечко во взрослое, плодоносящее дерево вырастает. Он ради интереса посчитал: если сажали в полтора метра саженец, какой он сейчас? Окинул взглядом парк, раскинувшийся в глубине квартала. Народ гуляет, аттракционы, детишки возле них. Фонтаны в хрустальных искрах манят прохладой, – рай. Зеленые насаждения, вроде как одного возраста, солидного: высокие, тенистые. Прикинул на глаз: сколько лет может быть пирамидальным тополям, выстроившимся колоннами вдоль широченного, как взлетка, проспекта Ленина? Огромные, здоровенные лесины. А чего им: благоприятный климат, почва плодородная, поди, определи их возраст. Притихли, обомлев пышными кронами в утомительном зное красавцы-платаны; деревца грецкого ореха, как солдаты-новобранцы смущенно вытянули шеи, пряча от нескромных взглядов свои глянцево-зеленые, стриженные макушки.

Бесшумно подкатил к остановке голубой автобус. На мокрый – только что прошла поливная машина – асфальт с веселым шумом высыпала группа молодежи. Пестрая, нарядная стайка ребятни, весело щебеча, порхнула на ту сторону улицы, исчезла за дверьми глазастого, красивого здания.

Школа имени Николая Гастелло. «Счастливые, – Олег хмыкнул, – ему без всякого высокого имени двойки ставили. А это, наверное, десятиклассники, как раз время выпускных экзаменов». Постоял, подождал, хотелось услышать трель школьного звонка, обмереть сердечком. Вздохнул. О сердце и говорить не хочется. Все же не плохо бы в детство хоть на чуть-чуть заглянуть. Ухватить краешком памяти, как техничка баба Маня выходит на приземистое широкое крыльцо. В ее руке бронзовый, потемневший до зелени, от времени, колокольчик. Как звонок, был у этого старенького колокольчика, голосок: куда бы ни спрятался, из самого потаенного места, отовсюду достанет, выгонит своим серебристым, настойчивым дреньканьем. Простая

гайка вместо бронзового язычка, а так настырно залиivist и громок ее перезвон. Еще чуть постоял, послушал. Нет. Ничего не слышать. Отправился на базар.

Разноголосая пестрая толпа, горы фруктов, овощей, зелени. Покупатели есть, но не так много, свободно можно ходить, без толкотни. Выбрал Олег и купил небольшую дыню, бабай тут же на месте располосовал ее на сочные, янтарные дольки. Захлебываясь, пачкаясь сладким соком, съел.

- Еще? – улыбнулся старик.
- Спасибо, отец, ох и хороша!
- Кушай на здоровье, дорогой, еще кушай!
- Нет, благодарю, хватит.

Тревожно стало Олегу от взгляда старика: сожаление, укор заметил в глубине темных зрачков. Смущенно поеживаясь, вышел к автобусной остановке. Памятная остановка, русского мужика спасли они в этом месте от самосуда.

Приехали с товарищем в этот город на медкомиссию. Олег в летное училище поступал, его друг – в танковое. Бродили по улицам в свободное время, вышли на этот рынок. И точно, как он сейчас, стояли тогда на остановке и ждали автобус. В то время тут, у забора ютилась раздрызганная пивнушка. Место грязное: почва – песок, камни, мусор. Сейчас, куда ни глянь: асфальт, бетон, зелень, современные здания, газоны в цветастых узорах. В мае это было. Разношерстая толпа клубилась у пивных бочек, колченогих столиков, ящиков – пиво пила. Вдруг забурлило, угрожающе заворчало огромное серо-полосатое существо, как весенний поток от попавшей в него огромной коряги. Вспучился, расступился, вышвырнув на берег высокого, светловолосого парня с разбитым в кровь лицом. Бойкий, стремительный хлопец. Задом пятится. Камней под ногами достаточно: отбивается, швыряя их в рассвирепевшую толпу. Увидел солдат, к ним кинулся: «Помогите!»

- Ну рожи! – восхитился товарищ Сарина. – Сомнут нас.

Не бросили они парня. Ремни на руку, медные бляхи в сверкающий круг: «Не подходи!» А народ подступает, кричит: – Вор он! Деньги украл! Нехорошо поступаете! Отдайте, мы разберемся!

– Как же, вы разберетесь! – буркнул Олег. Толкнул молодца в автобус, за ним сами влетели, еле успели. Дух перевели. Парнишка поблагодарил их и на следующей остановке выскочил. Сейчас дело посерьезней, рожей битой не обойдешься, в автобус не впрыгнешь...

Олег посмотрел на молодых ребят, стоявших вместе с ним. Красивые парни, высокие, крепкие, смуглолицые, брови – взлет, глаза – огонь. Летал у него бортмехаником парнишка – узбек. Футбольная звезда, талант, будущий Пеле. Все так считали, кто видел этого парня на футбольном поле с мячом. Бежал с оружием из части, застрелив предварительно двух «азеров». Так называемая дедовщина. Расстреляли его с вертолета. От этого, совсем некстати, воспоминания, замутило Сарина. Под скулами черные пятна проявились, белки глаз багровыми жилками взбухли. Завернул под какой-то навесик, пролез к стойке: «Сто пятьдесят водки».

Одним глотком опрокинул в себя, нашел свободное место, сел. Вспомнил стих, который прочел ему товарищ в один из тяжелых тоскливых вечеров.

Засучу рукав рубашки,
На ладошки плюну.
Со стола смахну я крошки,
Душу на него я выну.
Поласкаю тусклым взглядом,
Окроплю слезою робкой.
Положу я сердце рядом,
Обожгу все это водкой.

Обожгу и подожду:
Там, где больно, там и жгу.

Отпустило в груди, липкая, мутная пелена сползла с глаз. Много лет держал в памяти адрес того матросика, загульная жизнь вышибла из головы. Зачем вздумалось вспомнить...? Чего схотел?...Заехать? Объясниться? Повиниться?.. Приказ, говоришь, выполнял?.. Что до того приказа им, потерявшим сына! Что им твои объяснения?.. Как в уставе: выполнил, потом обжаловал... Навалился грудью на стол... А как неплохо начиналось... И денек выдался на славу...

Глава 7

Олег двинулся к стойке, попросил еще стаканчик.

– Вам хватит, товарищ капитан.

Оглянулся. Лейтенант с повязкой «патруль» – стоит. Два солдатика за его спиной топчутся, глаза выставили. Сарин потрянул головой. Не положено при рядовых офицеру замечание делать, да ладно уж. Поставил стакан с водкой на стол, кивнул седому, бичеватого вида мужику: «За мое здоровье вмажь!» Повернулся и чуть не бегом выскочил из кафе. Досадовал: сопляк, чуть что – за бутылку! Успокаиваясь, побрел по улице. Нашел окружной госпиталь, присел на лавочку в тенистом скверике, напротив. Долго сидел, вспоминая.

В одном из приземистых зданий, сложенных из бурого кирпича, в каком точно – не помнил, а хотелось, почему – то, осторожно, чуть испугано проследовать по гулкому коридору, войти в кабинет председателя комиссии, вновь услышать негромкий, с хрипотцой голос пожилого полковника: щеточка седых усов, внимательный усталый взгляд из-под кустистых бровей. Хорошие слова сказал тогда в напутствие будущему летчику мудрый доктор – узбек. Все вспомнилось, да поздно...

Смешно начал полковник:

– Сердце болит?

Олег растерялся:

– Как это?

Тот смеется:

– Значит, не болит. В школе успевал?

Тут все понятно. Сарин замялся, поежился и сейчас, сидя в душной тени. Строго, потоповски, чуть приподняв палец, выговорил седой узбек молодому солдатiku: «Летчиком ты будешь отличным, не сомневаюсь, все у тебя для этого есть. Но помни – профессия суровая, слишком, может быть, возвышенно-романтическая, – подумал немного, добавил, – Сверху чуть по другому жизнь смотрится: необъятность, простор, видимая свобода. Пьянит это все! Голову кружит. Земля же матушка наша сурова. Вознесешься на крыльях славы, забудешься, возгордишься, – больно, ой, как больно может приласкать».

Странно и смешно прозвучали для Олега эти слова. «Взлетишь», «возгордишься». Далеким это казалось, нереальным. И при чем он? С чего нос задирать? Служил, летал как все... Одним штрихом обрисовал доктор – узбек судьбу Олега, предупредил... Не понял, не оценил. Отмахнулся: я – другой, я – сам с усам...

Переночевал Сарин в летном городке, в казарме роты охраны. Темнело, да и устал сильно, не потащился на пересылку. Дежурный по части, молодой старлей, посетовал, что кроме солдатской койки, ничего путного предложить не может. «Мне достаточно, привык, на том спасибо», – поблагодарил Олег. В вязкой духоте нестерпимым показался когда-то привычный запах распаренных тел, прелых портянок, гуталина. Уснул только под утро, проснулся плохо, поднялся, весь разбитый. Болела голова, ныло тело.

В окошко увидел спортивный городок, нехотя вышел под крепко припекающее солнце. Вначале шагом, потом разогрелся, размялся, пробежал с десятков кругов по футбольному полю. С удовольствием попинал боксерскую грушу, крутнулся на перекладине. Взбодренный, сполоснулся по пояс водой, до красна растер тело вафельным полотенцем, предложенным каптерщиком, нахальным, окающими татаринном. Тщательно выбрился, опять же с помощью услужливого каптенармуса. Пред очи майора на пересылку явился, благоухая тройным одеколоном, в отличном настроении. Тот с нескрываемой завистью окинул взглядом Олега.

– Молодец, капитан! Где ночевал?

– У солдат, в летном городке.

– Это неплохо. У нас перепились командировочные, комендантский взвод пришлось вызывать. Понять-то их можно... Ну, ладно, забирай вещи и на аэродром дуй. Часа через два будет борт с саперной техникой и оборудованием, место найдешь.

Командир АН-12 с сомнением поглядывал на группу улетавших. Набралось человек двадцать пять.

– Куда вас воткнуть? Ладно, – махнул рукой, – Лезьте, располагайтесь.

Заглянув в грузовой отсек, Олег оценил сомнения летчика. Чрево огромной машины под завязку было набито железными понтонами. Кое-как примостился у входного люка. Весь полет пассажиры с опаской посматривали на хоть и стянутые стальными тросами, но все же угрожающе нависшие над ними зеленые, огромные, ребристые поплавки. Летчик при посадке чувствительно грохнул машину о бетонку, многотонное содержимое грузового отсека накренилось, поехало в сторону Олега. Стальные тросы натянулись до звона. Бортинженер встревожено выглядывал из кабины. Самолет, вырвав со взлетки, сразу же остановился. Сарин подхватил вещи, выскочил на бетонку, за ним посыпались горохом остальные. Облегченно перевели дыхание. Высокий подполковник-десантник смачно выругался: «Б... ну летуны, с... чуть не угробили!»

Олег осмотрелся: до КДп топтать с километр; к самолету спешила колонна машин. Решил подождать, может, подбросят. Разгрузка не заняла много времени. Через полчаса Олег стоял у саманного двухэтажного здания. Вошел в помещение, заглянул к коменданту. Тот выслушал Сарина, потрогал пальцем жиденькие белесые усики: «Жди, – кивнул в сторону приземистого дощатого строения, – Там располагайся, столовая за ним. Отбывать будешь, не забудь с довольствия сняться. Все!»

«Ну и дела!» – удивился Олег. Бывал он в далекие времена тут. Невзрачный, тихий гарнизон. Сейчас все видимое пространство забито пыльной техникой. Колючая проволока, палатки. Танки, машины, солдаты, офицеры – шагу ступить нельзя. Все озабоченные, занятые, носятся, как угорелые. Раскаленный воздух гудел, ревел от постоянно работающих моторов всей этой содомской техники. В Ташкенте и жарко, и душно от множества зелени, от тяжелого городского смога, но тут ничуть не лучше. Прошла колонна бронетранспортеров – туча пыли повисла в неподвижном раскаленном воздухе. Не успела эта осесть, протащили разбитый танк, – опять пылица. В борту танка небольшое рваное отверстие, краска на башне висит ржавыми лохмотьями, железо, вроде, в кровавых потеках. Олег долго стоял, провожая изувеченную машину взглядом. Зябко передернул плечами.

Зашел в буфет, немного перекусил. По морской многолетней привычке съел чашку борща, без второго, выпил три стакана компота. Отправился в дощаник устраиваться на ночлег. Свободную койку нашел быстро, затолкал чемодан и рюкзак под нее. Снял рубашку, повесил на предусмотрительно взятые с собой плечики.

– Давай знакомится, капитан!

Оглянулся: высокий, горбоносый майор, танкист, улыбаясь, протягивал руку:

– Майор Головлев. На ту сторону?

Олег пожал руку, представился.

– Да, на ту.

– Первый раз?

– Да, первый. Очень заметно?

– Нет! Держись настороженно, как боишься чего. – майор оглушительно засмеялся. – Неплохо, но рано еще, – упал на соседнюю с Сариним койку. – Давай, выкладывай: куда, чего, как. Не стесняйся, я там был! В курс дела введу. Ну, чего молчишь? Обиделся? Нет?

Как объяснить этому горластому танкисту, что нет у Олега желания особенно откровенничать. И дружеских, близких отношений желательно избегать. Преодолев досаду, поведал о своих заботах.

– О! Чего волнуешься? Отлично! Нет проблем! Одной колонной идут. Я зампотех в твоём полку. Прибудут – посмотрим, примем, обмоем – все честь по чести! – хохотнул Головлев. – Кстати, как ты по этому самому делу? – майор щелкнул себя по горлу ногтем. – Тут без этого нельзя: пыль, грязь, – антисанитария, короче, печень прочищать треба! Ре-гу-ляр-но!

Сарин засмеялся:

– В меру я не против.

По сливоватому носу и сети мелких бурых прожилок на мясистых щеках легко можно было догадаться, что майор действительно дорожит своей печенью. И по всей видимости, протирочной жидкости в ведении его службы достаточно.

– На чем сидим, то и имеем? – не выдержал Сарин.

– Э ты о чем, капитан? – нахмурился Головлев. Открыл тумбочку, достал стеклянную, плоскую баклажку грамм на восемьсот. – А вообще, ты прав, конечно. Но не скажи. Должность паршивая, беспокойная, спасу нет. Печенку не почистишь – желчь задавит. Давай, двигайся.

Сарин хотел отказаться, передумал. Строить из себя девочку – не в его правилах. Лишь бы под хмельком не сболтнуть лишнего.

Головлев не выдержал:

– Ты что, Максимов! Не из этих, случаем: «Молчу-молчу»? Помалкиваешь, а я – душа нараспашку. Ты же командир мотострелкового взвода, разведка – самая гиблая должность: вся война на нас висит. Скажу тебе откровенно, Николай, ты мне должен завидовать, а не наоборот. Если бы не печенка... Ну, ладно, о чем мы... – Головлев достал литровую банку воды, два стакана, нарезанный дольками арбуз. – Знатная закуска: не захмелеешь; камни, песок, как из столетней старухи сыпятся. Ох, сколько этого добра заглатываешь: в день по ведру, не меньше.

Олег рассмеялся. С Головлевым скучать не придется. Да только вот личина эта – влез в шкуру, пропади она пропадом, хоронись теперь... Извинился:

– Не обращай внимания, я всегда такой.

– Может и так.

– Какое училище заканчивал?

«Ну, начинается...» – Политех. Остался...

– Вот как! Я в Москве инженеров сельского хозяйства закончил. Тоже остался. Родом откуда?

– Самарский.

– Городской или сельский?

– Сельский.

– Ты извини, что с расспросами пристал, я сам из деревни, с городскими тяжело. Форс дают.

– Да ладно тебе, я все понимаю.

– Ну, тогда Николай, поднимай!.. Во-первых, за знакомство, а самое главное, но это потом, за наше босоное детство... Ух! – Головлев крикнул, втянул воздух. – Слабовато...

Олег часто задышал, хватая ртом воздух, – с ума сошел – чистоган.

– Какой там чистоган, градусов на шестьдесят, не больше. Вообще, предпочитаю чистый, полезней.

Олег откашлялся, схватил дольку арбуза, – Нашел лекарство!

– Убедишься! Давай еще по одной.

– Может, прогуляемся? – запросил пошады Олег.

– Отличная мысль, капитан. У меня тут официанточки знакомые есть. Очередные клиенты вчера отбыли, так я успел подсуетиться: выпивка наша – закуска ваша.

«Юморист ты, однако», – застегивая рубашку сердито подумал Олег. При всей бесшабашной поверхностной веселости, чувствовался в майоре основательный ум. Вопросы задавал

не абы как. – «Прощупывает, гад. Может особист? Да нет. Прямо сразу налететь на стукача – такого не может быть».

По дороге к общежитию Головлев рассказал немного о себе. Олег слушал внимательно: «Боевой мужик. Понятно все. Болует за ребят. Хочет знать, что за фрукт пожаловал». Рассказал, как в БРДМ висел над пропастью, на тросах, прицепленных к танкам. Машину жалко было, сам залез, чтобы движком помочь. Троса уже лопаться стали: еще чуть – чуть... и подумать страшно: ущелье, вниз метров триста лететь. Головлев напрягся: «Успел цапнуть гуськами грунт, выскочил – и трос лопнул».

К девчатам они опоздали: гулянка шла – дым коромыслом. Женщины обрадовались прибавлению компании, кавалеры забеспокоились. Жгучий брюнет, десантник – капитан с лихо-радочным, голодным блеском в глазах, даже побледнел:

– Эй, мужики, вы куда прете? Занято тут! Мы так не договаривались! – попытался выдавить офицеров в тесный коридорчик.

– Да всем хватит! – смеялись официантки.

– Мне мало! – горячился брюнет. – Мне всех мало... мне о-о-чень много надо: полгода впроголодь. Мужики, войдите в положение! – шипел он на ухо Сарину, хватая его за плечи горячими потными руками.

– Пойдем! – досадливо кивнул Олегу Головлев. – О чем говорить: оттуда ребята, им – вне очереди: живы, здоровы, все на месте. Пусть гуляют!

Майор насуплено топтался в коридоре, прислушиваясь к голосам за дверью.

– Не везет нам, Максимов, фатально не везет, особенно мне.

Глава 8

Спросить, почему фатально не везет зампотеху, Сарин не успел. Громко хлопнула входная дверь, раздался дробный звук женских шагов. Олег оглянулся: высокая, статная, молодая женщина – черная юбка, милая сердцу кремовая рубашка, погоны подполковника медицинской службы. Остановилась, взглянула насмешливо-ехидно на них. Огромные глаза, угольно-черные с синевой зрачки, ресницы-опахала. «Как наклеены» – подумал Сарин.

– Ну, что, молодые люди, загрустили?

– Здравствуйте, Марина Ивановна!

Женщина иронично кивнула Головлеву:

– Здравствуй, Володя! Не забываешь нас, кавалер...

Майор смущенно заалел щеками:

– Зашли вот на минутку.

– Ну и что? Занято?

– Да ну, как сказать, но мы не за этим...

Женщина внимательно окинула взглядом Сарина, чуть дольше смотрела на шрам: от виска в волосы. На миг поймал ее взгляд Олег! И рухнул в бездонную, насмешливую глупину. У груди, несмотря на вечернюю, жаркую духоту, морозным ознобом задергало кожу. Низ живота, как перед прыжком с парашютом, втянуло внутрь, свело сладкой истомой страха. Это как будто стоишь одной ногой на пупырчатом дюралевом пороге самолетной двери: руки готовы с силой толкнуть тело вперед. Ждешь сигнала: «Пошë... л!» И полетел, рванувшись в бездну: ухнул, лег плашмя на тугой воздушный поток. Запарил птицей, замирая сердцем от открывшегося необозримого простора.

– Ну, что, мальчики? Приглашаю вас к себе: посидим, погрустим. Марина Ивановна повернулась и, уверенная, что они следуют за ней, направилась в конец коридора. Головлев восторженно показал большой палец, подмигнул восхищенно. Короткая стрижка, темные, с еле заметной сединой, волосы, высокая шея. Идет ровно, не вздрогнет под горячими, раздевающими взглядами.

«Лет сорок или около того. Повидала она таких, как мы, шнурков..., но знакома вроде походка, фигура...» – ладно, не слюни, одернул себя Олег. Открыв ключом дверь комнаты, пропустила их вперед.

– Проходите. Располагайтесь. Познакомь, Володя, с товарищем.

Олег, опередив майора, наклонил голову.

– Капитан Максимов, командир разведвзвода, следует к месту назначения.

– Ну, как официально! Подполковник Ларина. Начальник эвакогоспиталя. Место назначения пока не ясно. Ну, все? Торжественную часть закончим? Если так, пару минуток подождите, приведу себя в порядок, а пока Верочка вами займется!

Марина, побросав что-то в полиэтиленовый пакетик, еще кивнув им, исчезла за дверью.

– Ох, Максимов, как тебе везет! Фатально везет!

– Это почему же ты так решил, майор?

– Ну, как почему... подкальвался к ней. Муж у нее в Кабуле. Большая шишка. Жену вместе с госпиталем к себе тащит.

– Ладно тебе придумывать.

– А что? Все так говорят: ревнивый. Он тут каждую неделю бывает. Проверяет. Рожа! Какие проблемы, может за неделю два раза прискакать!

– Красивая женщина!..

– Не то слово, капитан. С Дальнего Востока переводятся. Город Владивосток, как я слышал, флотский госпиталь. Там формировали их часть.

Пот мелкими прозрачными бисеринками выступил у Сарина на лбу.

– Да, жарко, даже душно, – оценил по достоинству Головлев муки тяжело задышавшего, потеющего Олега. – Ты посмотри, как живет: временное пристанище, а как человека видать: воспитание, культура.

Майор встал, прошелся по комнате, потрогал цветы в глиняных горшочках. Живописное хаотическое сочетание самых разных цветов. Они поражали воображение карликовой, игрушечной ненастоящностью. И тем не менее притягивали взгляд этой своей гармоничной несуразностью.

– Что за чертовщина? – удивился Головлев.

– Не чертовщина – экибана называется. Японское древнее искусство.

– Майор коротко взглянул на Олега.

– Вот я и говорю: куда мне, орловскому битюгу.

– Не прибедняйся.

Дверь без стука открылась.

– Помогите кто-нибудь!

Спиной, осторожно пятилась женщина: руки ее были заняты блюдами с закусками. Головлев, растопырившись, чуть присев, как бы подхватывая ту под крепкий зад, подскочил к двери, – Ой, Верочка, что ж ты нас не гукнула: разве можно так, ненаглядная моя. Мы же все тут истомились от безделья. Пальчиком шевельни, и все у твоих ног.

– Болтун ты, Володичка. Все наше общежитие «пальчиком пошевели», засыпал.

Ничуть не смущаясь, Головлев продолжал в том же духе, – Клянусь честью, дорогая, и засыплю, но только тебя одну. Все, что есть прекрасного в этом мире, будет Верочка, у твоих ног.

Сарин посмеивался. Он пытался помочь, но майор за спиной женщины сделал сдерживающий жест: мол, сиди, не мешай. Как вошла Марина, Олег не заметил. Оглянулся на голос, бархатистый, глубокий.

– Максимов, почему грустишь?

– Хорошо у вас.

– Прекрасно, устроим праздник...

...Олег рвал, терзал тело женщины. И понимал, что делает больно, но не мог сдержать себя. И она отвечала с не меньшей иступленностью: отдавалась сильно, жестко, ненасытно. В какие-то моменты сознание Олега мутилось от вихря необузданной вседозволенности. Иногда, устрасая своих порывов, пытался приглушить их. Но Марина, обжигая поцелуями, испепеляя раскаленным дыханием, заставляла его забыть, отдаться безраздельно охватившей их дикой страсти, раствориться до атома, исчезнуть из этого осязаемого мира, вырваться из брэнной, мерзкой оболочки. Взмыть небытием над двумя телами, баракком, пустыней, голубым шариком, называемым землей и нестись, нестись на крыльях этой всепоглощающей страсти в огромную, бездонную, невесомую, сладостную мглу...

Они лежали, как можно дальше отодвинувшись друг от друга. Сердце толчками било в виски, постепенно выплывали из безудержной оргии.

– Ну-ка, вставай!

Марина сменила белье: хоть выжимай. Подошла к столу, налила коньяк. Повернулась к Олегу.

– Будешь?

– Нет.

– Как хочешь.

Выпила, взяла сигарету. Подошла к окошку, отдернула занавеску. Оперлась ладонями о подоконник. Луч утреннего, раннего солнца пронзил Марину огненным мечом. Занавески – темные, тяжелые, свет не пропускали, только яркий лучик вырвался, нашел возможность загля-

нуть в комнату. «Ловко пристроился», – улыбнулся Олег: золотистая спица проскочила между чуть расставленных ног Марины. И без того рыжие волосики засияли золотой живой порослью: снопок света шел как бы из глубины женского тела, ее лона, слепил глаза Сарину, плавил мозг.

– Как странно!

– Что странно? – Марина повернулась к нему, задернув занавеску.

– Солнечный лучик пронзил тебя внизу, там, где золотистые стружки. Ты – в матовом ореоле, и спица слепящая – в меня, оттуда, где зарождается жизнь...

– А ты романтик, Максимов. Стихи не пишешь? Скажи мне, капитан: это что за буйство в постели. С голодухи?.. не похоже: раз, два и на боковую. Что тогда? Имидж здорового мужика? Нет, опять не то. Последний раз – пропади все пропадом, оторвусь, на сколь здоровье позволит? Не чувствую! Не в последний раз у нас с тобой. Так что же это? Что за невероятное животное безумство! И я! Как с ума сошла! Унизить ты меня хотел, Максимов, растоптать! Смять! Страстью своей! Силой мужской! А ведь не получилось?! Не получилось, капитан!? Кто поверит, что так может быть... – засмеялась, – а никому и знать не надо. Из единого мы состоим. Не нужно драться. Больше не будем, Максимов, да? Любить хочу – нежно, ласково, бережно, всю жизнь так хочу и после жизни хочу. Давай я тебя пристрою в тепленькое местечко, Коленька!

– Олег я, и не Максимов – Сарин Олег. Капитан военно-морской авиации. Нет! Не для того огород городили, чтоб я у женского тела грелся.

– Не у тела, капитан, у души. Моя душа твоей хочет, воедино слиться мечтает. И твоя кровоточит, устала. Куда лезешь? Тебя насквозь видно. Боль в тебе, и места ей нет в твоём теле. Успокоить кровью ее хочешь? Убивать будешь? Думаешь, легче станет? Нет. Порвешь душу – уничтожишь эту боль: тонкую, животворящую, – убьют и тебя. Ты жив, пока жива она – неохватная, сострадательная. Не трогай ее Максимов, Олег!

– Мне так нравится, не перебивай. Шрамы твои узнала – я ведь хирург. Мой муж тебя оперировал, впервые ассистировала на такой сложной операции. Тело – такое сильное, беспомощное, исковерканное. Лица не помню – шрамы узнала. Судьба это! Не хочешь! Не веришь! Иди, уходи! Только помни: есть боль созидаящая, есть – все разрушающая. Не перепутай! Мы ведь так давно с тобой знакомы... когда ты обмороженный к нам попал, я загадала: если нас сведет судьба третий раз, я не буду противиться...

Марина легла рядом, приникла бархатистым телом к Олегу.

– А ты противься! Уходи, но ты придешь ко мне, придешь болью поделится... приму, успокою...

Глава 9

Сарин осторожно пробрался к себе в комнату. Среди беспорядочно наваленных вещмешков, скаток, чемоданов некуда было ногу поставить. На его кровати храпел огромный детина. Койка Головлева тоже занята. Вот черт! Отдохнул! Полез за рюкзаком и чемоданом. Сильная рука цапнула его за плечо.

– Я спал тут, шмотки заберу.

– Извини, капитан, устали.

– Отдыхайте.

Олег прилег на лавочке в беседке, обсаженной кустами акации, увитой плющом. По раннему утру немного бодрило, спать не хотелось, поглядывал в сторону дощаника. Появился Головлев.

– Иди сюда, майор, там уже занято.

– Фатально не везет: хотел отдохнуть как следует – уже заняли, ну, народ! Оттуда ребята?

– Да!

– Ничего не поделаешь, сытый голодному не товарищ. Располагаемся. Пока не припекло, самый сон.

Выспаться не выспались, немного отдохнули. Сходили на завтрак и отправились к оперативному узнать обстановку. Тот посмотрел на них, остановился взглядом на Олеге.

– Ты Максимов?

– Я!

– Такое дело: срочно треба в Кабул.

Головлев завозмущался, – Ты что, у него предписание: командир взвода. Полк на подходе!

– Ни! Никаких разговоров! Во! Телефонограмма из оперативного армии. Вы что, мужики? Какие отговорки! Часа через два борт с продуктами будет, пришлю посыльного. Все! Очистить помещение!

– Фрукт ты, Максимов! – досадовал Головлев. Так всегда: только с человеком обомнешься, – цап! Его поволокли. Фатально не везет! Опять салажонка какого-нибудь кинут.

– С чего ты решил, что я подходящая фигура для вас?

– Анкет «не треба». Мы в людях нутро не хуже рентгена светим. Через годик научишься. Что за связи у тебя в верхах? Почему от оперативного аж армии, цидуля?

– Олег искренне удивился, – Ума не приложу.

Головлев пристально посмотрел на него.

– Ох! Чует мое сердце: не того полета ты птица, не того!

Олег сердито глянул на майора:

– Не придумывай! Лучше скажи, как Марину найти.

– Нечего искать, сама найдется. Я Верочке позвонил.

Но с Мариной до самого отлета увидеться не удалось.

– Муж прилетел, – успокоил, обнимая его, Головлев.

– Спасибо! – буркнул Олег.

– Ну что ты, как юноша прыщавый напрягся? Я понимаю, эта женщина достойна любви, но...

– Помолчи, майор, я действительно не институтка.

– Ну и добро. Смотри, посыльный летит. Давай прощаться! Привет передавай!

– Кому?

– Всем, кого увидишь! – рассмеялся Головлев. – Ни пуха, Максимов! Скоро и мы подскочим. До встречи!

С полчаса Сарин и несколько офицеров изнывали от безделья и жары под крылом самолета: ждали кого-то. Олег заскучал, прошелся до подземного КПП. Метрах в пятистах от их стоянки – бетонированный огромный блиндаж. Полное автономное обеспечение связью и всеми видами управления боем целой армии на год, а может и больше. Давно хотел сюда придти, расспросов Головлева опасался – вьедливый мужик. Хотя, что тут такого криминального: служил срочную, как и многие другие.

На учения они сюда прилетали. Полно в этом бетонном каземате офицеров роилось, в глазах рябило от звездочек и лампас. Генералов с десятков, не меньше, а полковников и не сосчитать. В те годы проводить такие обширные маневры очень модно было. Огромное количество техники, личного состава. «Юг, Север, Запад», – под такими названиями эти машины ворочались, стреляли, летали, ползали, пылили на полнеба. Как помнил Олег, их все-ленская пугалка имела кодовое название «Юг-69». Вот отсюда и завился хвостик кадровой судьбы Сарина. Поселковый мальчишка, попав в такое вавилонское столпотворение вооружения, техники, людей, был ошарашен, унижен своей мизерностью. Уму непостижимо, как в этом разобраться. Неземным, нечеловеческим казалось уверенное спокойствие командующего и его свиты. Ни суеты, ни спешки. Седой громогласный генерал попивал чаек, принимал доклады, сам отдавал приказания. Играл в шахматы с молодым щеголеватым капитаном – его адъютантом. Олег познакомился с этим щеголем. Да и сам генерал оказался земляком. Но в училище Сарин поступил без протекции. Что для командующего недолгий разговор в минуту отдыха с побледневшим от высокого внимания рядовым. Порасспросил о Родине, о рыбалке. Посетовал, что недосуг навестить земляков, поклониться могилам предков.

Адъютант, связист по училищной специальности, помогал иногда молодым солдатикам. От такого скопища высоких чинов волновались, нервничали ребята связисты. Вот этот щеголеватый капитан и запал в душу Олега. С его легкой руки написал рапорт, и пожалуйста, новенькая, с иголки, летная курсантская форма...

Эге-гей...! – от самолета махали руками. Заметил УАЗик, санитарку. Рядом стоит Марина, что-то наставительно внушает ей, горой возвышающийся, здоровенный полковник в камуфляжной форме. Достаточно свободная, она все – таки не скрывала тучности офицера. Мясистые складки лежали на воротнике куртки. Спина потемнела от пота, подмышками – огромные соленые разводы.

– Ну, боров! – презрительно подумал Олег, – неужели муж? Что то не помню такого в госпитале.

Тот, заметив взгляд Марины, повернулся всем туловищем в его сторону. Женщина смотрела спокойно, даже несколько отчужденно. Но в тот момент, когда полковник повернул свое багровое лицо к Олегу, вдруг лукаво улыбнулась, поднесла руку к губам, подмигнула. Олег чуть не рассмеялся.

– Где гуляем, капитан? Цветочки – ягодки? Природа: незабудки-лютики? Некогда – дела ждут!

«Ждут тебя дела, деловой! – ругнулся Олег. – За женой подглядываешь. Неужели эта бегемотина меня оперировала?» – Сарин почувствовал неловкость, озлился на себя: вроде человек от смерти его спас, а Олег-скотина неблагодарная, рога наставил, сподличал. Хотя, если вдуматься, никто его об этом не молил. Если подумать еще, совсем зря спас. Столько горя пришлось помытарить Сарину, не приведи господи, что и врагу не пожелаешь. Так что, товарищ полковник, извини-подвинься.

Уже когда запустили двигатели, Олег прильнул к иллюминатору. Марина стояла возле машины, махала рукой, посылая воздушные поцелуи. Сарин посмотрел в сторону ее мужа: тот сидел, раскорячив бревноподобные ноги. «Фу... и промежность – белесая влага. Мокрый, жалкий, обмахивается огромным носовым платком, тяжело, надсадно дышит. На заказ шьет, что ли? Откуда такие простыни? Марина, значит, мне машет?» Покосившись в сторону пол-

ковника, осторожно помаячил рукой перед иллюминатором. Женщина запрыгала, замахала руками над головой. Вдруг, кулаком покрутила у глаз, как дети обычно вытирают слезы. Олег улыбнулся, в ответ, так же повертел кулаком у носа.

Двигатели взревели. По бетонке покатило камешки, закрутило вихрем песок, пыль, подняло в воздух траву, веточки. Марина, прихлопнув руками юбку, прыгнула в машину. Санитарка, резко вильнув в сторону, покатила по бетонке. Самолет, подпрыгивая и покачивая крыльями, медленно рулил на взлетку.

Олег, расплющив нос о стекло, пытался определить момент пролета границы. Ничего не понять: летели слишком высоко, облачности хоть и нет, но разглядеть как следует землю не удавалось. Единственно, показалось Сарину, местность более гористая пошла, исчезли прямые росчерки дорог, каналов. Хоть высота полета и приличная, горы подступили неожиданно близко: скалистые вершины топорщились острыми пиками, изрезанные ущельями бурые склоны морщинистыми пятнистыми щеками ниспадали в долины. Снежно – голубые уступы застыли в лазуревой дымке. Это, наверное, центральный Гиндукуш. Где там самая высокая гора? Так и не определил – все высокие. Устал косить взглядом в иллюминатор, перевел внутрь, потянулся, посмотрел на полковника. Неужели сам полез в это пекло? Жалко, пожилой, тучный мужчина. На высоте прохладней... Откинулся на борт головой, прикрыл набрякшими веками глаза: такая тяжелая, гнетущая усталость разлита по всей громоздкой фигуре. Тяжко мужику: генеральских погонов захотелось. Мда... и жена не уродина...

Звук ровно работающих двигателей изменился. Самолет накренился, вошел в разворот. Сарин повернулся к иллюминатору. В прозрачной синеве во всей красе развернулся древний город. Река Кабул делит его почти на две равные части. Видны мосты, машины, как жучки ползут по улицам, мечети в размытом малахитовом ореоле. Хорошо различимы новая и старая части города. Сарин предварительно ознакомился с описанием столицы Афганистана по атласу. Теперь узнавал в открывшейся панораме знакомые очертания улиц. Амфитеатром лепятся по ближним горам дома. Послышались щелчки отстрела имитаторов. Мелькнул в иллюминаторе дымный след, еще один, еще. Ого-го! Боятся «Стингеров». Самолет резко пошел на снижение, пассажиры вцепились кто во что. Полковник крепко стукнулся о лонжерон. Видно было, как он чертыхнулся. «Ревнуешь? Что есть у тебя, нет у него и наоборот. И неизвестно, по какой шкале ведет отсчет Марина? И ведет ли? А если... то что предпочтительней: молодость или обеспеченность? Положение? Но, может она хочет иметь все? И не обязательно в одном лице...

После остановки двигателей Олег не спешил. Тревожно на душе: зачем, кто вызывал?

Открылся грузовой люк, слышно было, как загалдели грузчики. Придется ребятам попопеть: мешки, ящики, – все брюхо самолета забито грузом, снаружи раздался чей-то звонкий голос:

– Все вышли? Максимов есть среди вас? Капитан Максимов?!

– Ну, я Максимов!

– Прошу! За вами машину прислали, желательнее побыстрее! Молоденький красавчик – лейтенант нетерпеливо подпрыгивал у трапа. Возле самолета, кроме солдат-грузчиков, никого не было; вдалеке пылила, удаляясь, машина.

– Лейтенант Логинов, переводчик политотдела армии. Садитесь. Шеф очень нервничает. Ждет!

Кабул поразил Олега. Вроде вчера в таком же городе бродил по тенистым, в пышной зелени, улицам. Один и тот же народ, земля такая же, иссушенная выжженная солнцем до серо-бурого цвета. Тепла в нем достаточно, только вот, как ему показалось, воздух другой тут, тревожный, как бы мало его, дышится часто. Заметив, с каким интересом Сарин всматривается в открывающийся город, лейтенант снисходительно приказал шоферу: «Минут двадцать

покрутитесь по городу, пусть капитан воочию убедится, как можно, минуя две исторические стадии, от феодализма перейти к социализму, а может, и коммунизм не за горами».

Невероятно пестрый, многошумный, как разворошенный муравейник, живущий своей жизнью город. Семят по асфальту ишаки вперемешку с громко гукавшими желтыми такси и машинами, раскрашенными как новогодние игрушки. Олег удивленно округлил глаза, увидев представительного мужчину, которого вез велорикша. Мотоциклы с колясками трещали и дымили так, что под тентом газика чувствовалась вонь отработанного бензина. Во всех направлениях крутили педали, восседая, как копешки, в покрывалах и халатах, на голове – чалма, велосипедисты. Кругом города возвышались скалы, и там, на них, как птички, ласточкины гнезда, лепились дома.

«Это, – пояснил Логинов, – Гора Шер-Дарвал. Дома там расположены так, что крыши нижних служат двором верхних. Этот – старый город когда-то окружен был стеной, имел семь ворот. Сейчас ничего не осталось. Вот главная торговая улица: Чер – Чатта». Горы фруктов, дымятся мангалы, вокруг деловой базарный люд. Сплошное покрывала из ковров: лежат, висят – везде, где только можно приткнуться. Видно, как кто-то работает с глиной: мелькают руки на д вертящимся гончарным кругом. Успел заметить чернобородого мужика: сидит на коврике, прямо на земле. Парнишка ему голову намыливает, бритье собирает. У крана с водой – старик с бурдюком: пузатый мешок у ног, другой под струей воды.

– Ну, как товарищ капитан?

– Не знаю, что и сказать: фантастика!

– Да, да, фантастика. Другой мир: время как будто лет на двести, триста назад отодвинулось. Я вам старый город показал. Будет время, посмотрим поосновательней. В новом – ничего интересного: дворцы, представительства. Одни не ходите – опасно.

С центральной улицы они свернули в неширокий переулок. Логинов кивнул на пятиэтажку: «Пересылка, 115-ый барак. Нам в политотдел – четвертый блок дальше».

Городок ничем не отличался от Ташкентского, летнего, в котором ночевал Олег: ухоженные газоны, асфальтовые дорожки, бордюры побелены. Кругом плакаты, призывающие к бдительности, героизму, защите завоеваний апрельской революции. В общем, тематика обычная, как и в любом гарнизоне по ту сторону границы. Множество зелени: деревья, названия которых Олег не знал, занимали все пространство, свободное от домов и асфальта.

– Неплохо, да? – засмеялся лейтенант. – Ни за что не подумаешь, что смерть рядом ходит. Идемте наверх, к шефу.

Они поднялись по лестнице, устланной бордовой ковровой дорожкой, остановились у приоткрытой двери.

– Жарко, сквознячок делает: кондиционеры не справляются. Разрешите, товарищ полковник! Ваше приказание выполнено! Капитан Максимов! Доставлен в целостности и сохранности!

Из-за стола поднялся, вышел к ним на середину обширной комнаты немолодой, с седым ежиком на крупной голове, офицер. Серо-стального цвета глаза недобро буравили Сарина. Лицо крепкое, загорелое, но с землистым оттенком. Синюшные мешки под глазами. «Не здоров начальник...»

– Иди, Логинов, полковник кивнул Олегу на стул у своего стола. Чуть приволакивая ногу, прошелся вдоль окон, из которых видны были далекие вершины гор. Остановился возле Сарина.

– Начальник политотдела армии полковник Новиков. Прошу любить и жаловать.

Сел в кресло: удобное, мягкое, с высокой спинкой; над ним, на стене генеральный при всех регалиях, в маршальском мундире. Новиков остро глянул на Олега.

– Жду приветов.

– Извините, не понял

– Ну что тут не понятного, – устало усмехнулся Новиков. – От земляка твоего, от Болоткова, привета жду.

– Да, да! – спохватился Олег, – чуть не забыл: посылку просил передать, наверное, вам.

Полковник хмыкнул:

– «Наверное»... ничего себе, четкое выполнения своих обязанностей. Давай, где?

– Внизу вещи, у дежурного.

По громко-говорящей, полковник приказал:

– Дежурный! Вещи капитана ко мне!

Сарин достал курсантскую сумку. Заметив внимательный взгляд начальника политотдела, похолодел. Во весь верхний клапан тушью был нарисован вертолет, на котором он заканчивал училище: МИ-4 во всей красе: облака, НУРСы, оставляя клубы дыма, ушли в цель. Год и месяц окончания училища – октябрь 1974 года. У Олега зашевелились волосы на голове, зазвенело тонко и пронзительно в ушах.

«Вот это прокол! Все теперь!»

– Ну, что застыл? Давай посылку. Олег протянул Новикову пакет. Тот небрежно принял его, подбросил в руке.

– Знаешь, что там?

– Деньги, сказал, какие-то.

Полковник укоризненно покачал головой. Скинул посылку в ящик стола.

– Ну, с этим все! Что с тобой прикажешь делать?

Олег почувствовал, как пот струйками щекошет шею, лопатки, ложбинку позвоночника. Безразлично отметил: «сейчас лужа подо мной будет, решит начальник – описался от испуга. Да черт с ним! Какая теперь разница!»

Жесткий немигающий взгляд Новикова прожигал Олега, казалось, насквозь. Сарин вдруг успокоился. Невинно, не отводя взгляда, смотрел начальнику политотдела в глаза. Тот не выдержал: порозовели щеки.

– Давай бумаги.

Молча полистал документы, посмотрел еще раз на Олега.

– Не было у нас уговора тебя тут оставлять, не было.

Сумрачно перевел взгляд в окно на далекие, манящие прохладой, снежные вершины.

– Просит о содействии некая личность. Перечить этой личности я не смею.

– Товарищ полковник! У меня направление в часть! Меня ждут! Я обязан быть на месте!

Хочу в свой полк! – занервничал Сарин.

Новиков насмешливо посмотрел на него:

– Совершенно верно. Ты просто обязан быть там. И будешь! А пока побегаешь при штабе. Не переживай, успеешь показать себя, – взгляд Новикова подернулся дымчатой тоскливой грустью. – Время, времечко!..

Поднялся из-за стола, пожал руку Олегу:

– Иди, устраивайся, лейтенант поможет. Дальнейшее зависит от тебя. Все разумное – приемлемо.

Глава 10

Логинов ждал Сарина внизу:

– Вы не возражаете, товарищ капитан, если поселимся вместе? Койка освободилась: майор Еремин, наш пропагандист, с тяжелым ранением отправлен в Союз.

– Что и вам достается?

Лейтенант поджал губы:

– Всем тут достается.

– Извини... Как тебя зовут?

– Логинов Андрей. Вот наша комната, располагайтесь. Давайте ваш продаттестат, предписание. Я быстро все оформлю. Ужинать в столовой будем, готовят у нас прекрасно.

Олег покачал головой. С виду бумажный, обидчивый, краснеет. Как попал сюда? Вздыхнул: что им-то, соплякам, дома не сидится? Не спеша распаковал рюкзак, открыл чемодан. Разложил, развесил в одном из двух, стоящих у стены узких фанерных шкафчиков, свои немудреные пожитки. Хлопнул по одеялу: пыль облачком подлетела вверх. Вышел во двор. Поколотил от души матрас, одеяло, положил их на лавочку, сам сел рядом, в тенистой беседке. Вдоль дорожек, вокруг беседки – подстриженные аккуратно кусты шиповника. Сама беседка, как толстым зеленым ковром, увита плющом.

Вот это дерево Олегу знакомо: густая, красивая листва, стройный, крепкий ствол, крона усыпана наливающимися желтизной плодами – это абрикос. Урюк – так они звали и дерево, и плоды; шутя, обзывали ребят из южных республик: урюк, саксаул. Вот это что за куст: ветки колючие, плоды висят – похожи на гранаты, но зеленые. На некоторых кустах – ярко-пурпурные цветы. Листья плотные, кожистые, маслянисто блестящие, зеленые с верхней стороны, матовые – с нижней. Сарин не выдержал, подошел к дереву, наклонился над цветками.

– Нравится? – раздался сзади голос Логинова.

– Странное дерево, куст? Тут плоды, тут цветы...

– Это гранатовое дерево.

– Как у меня там, в порядке?

– Конечно, на ужин в столовую пойдем.

Сарин голодно вздохнул:

– Перекусить бы неплохо: есть хочется, с утра крошки во рту не было.

– Хорошо. Давайте по городу пройдемся, зайдем в духан.

Олегу захотелось полежать, помыслить, но обидеть отказом Андрея с первой минуты знакомства не захотел. Насторожили намеки Новикова. Кто там о нем будет беспокоиться? Неужели Марина? Не послушала, сделала по-своему. Да! Такая баба любого заставит под свою дудку плясать. Но то и плохо.

Лейтенант, забыв о цели выхода в город, таскал Олега по всяким историческим местам, умогав Олега окончательно. Каждая мечеть, минарет служили поводом для обширной лекции. Сарина хитроумным орнаментом, яркими красками не удивишь. Почти два года по Узбекистану колесил, насмотрелся. Его больше на базар тянуло: в лавочку зайти, посмотреть, что по чем, как живут, во что одеты. Странно, конечно: бегут девчата в джинсах, попками крутят. Тут же, укутанная в темное покрывало, как в мешок, и лицо черной сеткой закрыто, семени таинственная женская фигура. Средневековье! Старик в римской тоге важно прошептал. Мальчишки периодически налетают: неугомонные, оборванные, грязные. Долдонят одно и то же: «Командир, дай бакшиш!» Если не обращать внимания, отстают. Олег не выдержал, запросил пощады:

– Давай все же поедим и по домам. Может, хватит на первый раз?

– Ой, извини, увлекся. Мы чуть-чуть до древнего императорского парка падишаха Бабура не дошли. Ну, это в следующий раз. Ты заметил, какая необычная архитектура минарета мечети Масджид Пулехеса.

– Конечно, конечно, очень интересно, – поспешил согласиться Олег. Ну, все, не даст мне житья этот востоковед: нашел свободные уши.

Они зашли в один из духанов, сели за грязный, липкий от пролитой пищи, столик. Заказали по две порции булони.

– Это что такое?

– Чебуреки. Почти как у нас. Только зелени внутри много, может одна только зелень в начинке быть, попробуй, вкусно.

– Почему мы в тот духан не зашли? Он, вроде посольской.

– Тут безопасней. Хотя, кто знает. Они все вроде лояльны и новому режиму и интернационалистам. Деньги делают: жить то надо. Этот, по-видимому, на ХАД работает. Ходит и слушает. Посоветовали тут питаться.

Духанщик, жилистый, бородатый мужик с огромным носом и хитрыми маслянистыми глазами, сам принял заказ. С достоинством поклонился, рывкнул что-то цыганистому мальчишке. Тот немедленно протер столик грязной сальной тряпкой. Заметив ироничный взгляд Олега, пару раз крутанул по столешнице рукавом долгополой рубахи. Рукав навряд ли был чище тряпки. Через две минуты они с удовольствием вкушали булони, или чебуреки, запивая их абрикосовым соком, поглядывая на немногочисленных посетителей.

– Вкусно, – заметил Олег, – но поменьше бы специй: и сверху печет, и изнутри теперь жарит.

– Это вы зря, товарищ капитан, здесь не Кавказ или Дальний Восток: корейцы, чимча или аджика. Тут все в меру с учетом климата.

Олег покосился на группу мужчин, пьющих чай.

– Знаете, как их вон те шаровары по-нашему называются?

– Откуда...

– Португ.

– Seriously?.. Портки!

– Длинная куртка – куртый.

– Это что же получается? Языки похожи? С монголо-татарами по нашим местам, наверное вместе шастали, – сделал неожиданный вывод Сарин.

– Это все может быть, – засмеялся Логинов, – но язык другой, без сомнения. На пушту говорят, на фарси или дари. Около пятидесяти процентов населения – пуштуны. Таджики – девятнадцать процентов, есть узбеки, хазарейцы, чараймаки, туркмены. Основная религия – сунитский ислам, потом шииты – самые жестокие исмаилиты, но их всего два процента. Богатая верхушка, как у нас до революции, власть в кишлаках, в провинции держит. Народ в кабале, нищете... голод, отсталость.

– Что-то не заметил, что у них слишком нище и голодно.

– Логинов занервничал:

– Ну, это же город, цивилизация, столица.

– Понял вас: это, как у нас Москва: пол-России за колбасой в Кремль к Мавзолею едет, – улыбнулся Олег. Потом добавил: – Я с ребятами разговаривал, кивнул неопределенно, – трудолюбивый, гордый народ. Никто особенно не жалуется на затурканную жизнь.

Логинов мучительно покраснел, отвел глаза. Олег продолжил:

– Полчаса назад слушал я тебя, может и не внимательно, но слушал. Так не сложилось у меня впечатления, что ты этот народ забитым считаешь.

Андрей вскинул голову, сверкнул голубыми, с золотистой искоркой, глазами:

– Одно другому не мешает. Древняя культура, мудрая далекая цивилизация! Сколько тут всего! Он топнул ногой, – несметные сокровища...

– Понял, понял, – Сарин успокоил не на шутку разошедшегося лейтенанта.

На следующий день после завтрака к ним подошел невысокого роста, крепкий подвижный майор. Бронзовое, шелушащееся, обожженное солнцем лицо. Светло-голубые глаза прищурены, от них к вискам лучиком – трещинки незагорелой кожи. Поздоровался, представился: «Майор Андреев, зам по пропаганде и агитации кабульского гарнизона. Извиняюсь за настырность, и, может, некоторую беспардонность. Раскачиваться нет времени, короче так: первый раз я с вами прошвырнусь, дальше без меня: забот выше головы. Пока на текстильную фабрику. Место непростое: женщины – существа непредсказуемые, – насмешливо посмотрел на Логинова, – шагнули аж в коммунизм: а что? Раскрепощенная, забитая восточная баба... Сладу нет. Война идет, кто-то, что-то ляпнул... а у них близкие, далекие родственники и по ту и по эту сторону фронта. – Склонил голову к Олегу. – Андрея увидят, млеют до обморока. Никакой бузы. Даже старушки платочком прикрываются».

Майор понравился Сарину. Несмотря на некоторую суетность, обладал цепким, острым умом. В несколько минут объяснил Олегу, с чем тому придется столкнуться в их работе, все это с хорошим юмором. Обрисовал живо и доходчиво.

– Все может быть: провокации, диверсии. Главное – не паниковать. Кабульские предприятия – все ваши. Где начался разлад, брожения – вы там.

– Как мы узнаем, где эти брожения? – спросил Олег.

– Об этом не беспокойся: узнаешь, подскажут.

Отвел Сарина в сторону. Логинов разговаривал с молодым лейтенантом.

– Слушай, капитан! Андрей твой – переводчик, бесценный парень. Грамотный... Мне не понять, я работаю, технарь по движкам на АН-12. Десять лет в Завитинске протосковал: руки морозил, теперь тут отогреваю, – пошевелил узловатыми, с навечно вьезшейся в кожу маслянистой чернотой, пальцами. – Филфак он закончил. Культура востока. Точно не знаю, как у них в университете обзывается. Родители... О! Высокие люди... В шоке, конечно: кто знал, что мальчишка ринется сюда? Не смотри, что звонкий – настоял, как скала. Мол, мне для работы нужно. Вот так. Тексты он готовит, сам же читает. Твоя основная обязанность – обеспечение его безопасности. Народ слушает. Новиков подсказал тебя к нему пристроить: боевой, обстрелянный офицер, взвод разведки, лучшего не придумаешь.

Сарин расстроился: «Нагородили! Обстрелянный!.. Роль штатного болтуна! Ох, Марина, Марина! Что наделала!»

Куда ни шло, замполит неприятная должность. Но, если летчик никудышный, штурман – тьфу, одна дорога в комиссары. Но, хоть работают ребята: квартиру под расширение выбить, ребенка в ясли, в сад устроить, с путевкой помочь. Ну и морально: кого поддержать, кого придержать. Не счесть, сколь таких мелочей в тихой гарнизонной жизни. Особенно, если полк по командировкам, вот как их: корабли, дальние походы. Пропагандистов не уважали: трепачи как один, и бабники. В лекционный час любую уговорят...

Андреев, заметив подавленное состояние Сарина, попытался его успокоить:

– Не навсегда, замену ждем. Еремина неделю, как выбили, завертишься, охнуть некогда будет.

Ехали долго. Центр проскочили, закрутились по тесным улочкам, зажатым стенами дувалов. Часто останавливались, пропуская встречные машины.

Шевельнулся Андреев.

– Не расстраивайся, капитан! Головной боли тут хватает. И пулю словить очень просто... Не так уверенно добавил, – агитируем, агитируем! Заварили кашу. Явно – наша ложка тут не к месту, – спохватился, сердито насупившись, замолчал.

В любой стране мира, и даже таком древнем городе, как Кабул, трикотажные фабрики расположены на окраине. Их уже ждали. В огромном пыльном цехе – сотни полторы женщин. Весело перешучиваются, строят глазки. Одежда простенькая: открытые халатики, на голове косынки. У некоторых, в основном, пожилых, плотные накидки, платок низко опущен на лицо. Майор, пробираясь, к импровизированной трибуне: сложенные друг на дружку тюки с мануфактурой, заметил Олегу:

– Все так, как и везде. Труд женский: мужиков не хватает, война. Плевали они на законы шариата. Девки – кровь с молоком, живут по общагам, ребята – безотцовщина. Они у нас самые идейные, равноправные и все такое... но и самые... только зацепи.

Говорил майор, лейтенант переводил. Слушали не особенно внимательно: хихикали, поглядывали на офицеров. Сарин заметил, что сопровождавшие их сарбозы по одному исчезают куда-то. Он, было, занервничал, но, увидев, как опустив головы, скрылись несколько женщин, только хмыкнул: «Понятно!..»

После лекции Логинов отвечал на вопросы. Андреев подсел к Олегу.

– Эх! Жаль тут курить нельзя. Смотри, Николай, не соблазнись! Вон та, раскосая, глаз с тебя не сводит.

– Они все тут раскосые. И зря ты! Что я, не понимаю?

– Что тут понимать! Хоть и шурави – под формой мужик играет. Отправили одного... , грузом двести. Нет, не подумай, что пугаю: предостерегаю. Сам знаешь: сто раз осечка, а единжды и кочерга брякнуть может. Все! Пора заканчивать. Андрей что-то краснеть начал, на нас оглядывается. Идем выручать.

Уже сидя в машине, Олег спросил Логинова, отчего тот так смутился?

– О жене спросили: красавица или нет, есть ли дети.

– А ты?

– Я ничего. Они всегда о женитьбе спрашивают.

– Чего же покраснел?

Шофер засмеялся:

– Успела его одна востроглазая чмокнуть в щечку, мол, знаем, что не женат.

– Следи, как бы не испортили мальчонку. Эх! Повезет же какой-нибудь!..

За месяц Сарин с Логиновым облазили весь Кабул. Где только не по бывали, ездили по афганским частям. Это самое простое: многие из офицеров учились в Союзе, русский знали и, как говорится, разделяли взгляды старшего соседа на положение в мире и стране. Однажды побывали в тюрьме. Ехать до нее оказалось довольно прилично: километров двадцать по асфальту и пять по проселку. Сопровождали какого-то журналиста. Позвонили из пятого управления ХАДа.

В комнату вбежал запыхавшийся Логинов:

– Собирайся, едем?

– Это куда? – Олег разомлел на койке, вставать не хотелось.

– В Полечархи, в тюрьму, с самыми заклятыми врагами увидимся.

– Всю жизнь мечтал, – недовольно пробурчал Сарин, трясаясь в БТР по пыльному проселку. Рыжеватый, с усиками, мужчина, удивленно смотрел на Олега.

– Неужели вам не хочется узнать, о чем думали эти люди, совершая гнуснейшие преступления? Калечат детей, убивают стариков, насилуют женщин.

Чего они хотят? Им не нравится, что народ будет сам управлять страной?

– Да ладно Вам, что вы агитируете меня. У нас своих хватает и тюрем, и проблем.

Андрей толкнул Сарина в бок, Олег замолчал. И чего разворчался: ехать в такую жару неохота, вот чего. Но все же не пожалел, что пришлось тащиться по пыли целый час. Тюрьма его поразила: как в кино. Чистота, идеальный порядок: на кухне, на разделочных столах, приготовлены бараньи туши. Спортивная площадка – мечта, заключенные во время прогулки могут

поиграть в футбол, волейбол. Есть штанга, гантели. Окончательно добило Сарина наличие плавательного бассейна. Разрешают плавать даже заключенным. Уже дома, сидя на койке, Олег возмутился:

– Ты видел, Андрей? Нет! Ты видел? Я тебя спрашиваю! У нас в военном, в высшем училище, где готовили цвет нации – летчиков – нет бассейна! Поволжье, лето, жара, духотища, окунуться бы – негде! Ты понимаешь – негде!..

Сарин встал, забежал по комнате. Логинов молча листал толстый, пыльный Талмуд.

– Так я не пойму, студент, где нищета, где? Радио, телеаппаратура, шмоток, продуктов, фруктов, – я в жизни в Союзе не видел столько даже во сне. Бывал в загранке, Ханой, Сокотра, Сен – Дени, есть что посмотреть. Но и там, и туда мы несли свободу, равенство и... – Олег упал на койку. – Идиот, чего мелю!!!

Но Логинов не отличался любопытством в житейских ситуациях, на оговорку Сарина, где тот побывал, не обратил внимания.

– Успокойся, товарищ капитан, мы ведь в кишлаках не бывали. Смотришь не так. Оно, это обилие, однобокое, рядом нищета, убожество.

– Ну, хорошо! – Олег опять загорячился. – Действительно, я и в школе с трудом разбирался: где богатые, где бедные, тем более сейчас. Машина шикарная, «Жигуль – пятерочка», значит богатый. «Адидас» на ногах, «Вранглер» на заднице – буржуй.

– Не мешай работать, – отмахнулся от него Андрей.

– Болтун – находка для шпиона, – расстроено ворочался на постели Олег.

– Хорошо, Андрюха – лапоть, кроме своих фарси да пушту ничего не замечает.

Глава 11

Однажды Андрей предложил посетить дворцовый Мавзолей хана Амира. Часа два они потратили на осмотр дворца. Потом Андрей перетащил Олега к какой-то полуразвалившейся мечети: Грибоедов о ней упоминал.

– Далась тебе эта старина, – недовольно ворчал Сарин. Не нравилось ему пустынное место, хотя рядом, за дувалами проходила магистраль Майванд. Сплошной автомобильный рокот разносился среди унылых развалин, но тут ни души. Не выдержав, Олег дернул за рукав Логинова:

– Пошли отсюда! Прихватят нас!

Не успели. Несколько закутанных в широкие темные покрывала фигур возникли, как из воздуха. Олег толкнул лейтенанта в угол сохранившейся стены.

– Замри, не рыпайся: пять человек, по всему, хотят взять живыми! Ну, что ж посмотрим!

Самое обидное: поддавшись на уговоры Андрея, Олег не взял с собой пистолет. О лейтенанте и говорить нечего: он его и чистить не умеет. Кое – как научился разбирать, стрелять наотрез отказался: «Это не мое дело!»

– Возьми камень у меня под ногой. Используй только в крайнем случае: бросай в голову, – хмыкнул, – желательно в нос.

Сарин оценил противника. Трое плотных, широкоплечих, ступали тяжело, кряжисто: скобари, замочу без проблем. Один высокий, худощавый, резкий в повадках, прихрамывал. Опасен, но хромота... По-видимому, самый грозный соперник – среднего роста афганец, приближавшийся скользкой, кошачьей походкой. Откинул покрывало: злое, хищное лицо, маленькая аккуратная борода, стремительное, гибкое тело.

– Сдавайся, шурави, – прохрипел высокий, – резать больно не будем. Говорить, потом резать.

– Ну, ну!

Олег шагнул вперед влево к хромоту, сиплону, тот отпрыгнул, – пуглив, вражина. Вперед, от нетерпения запнувшись, шагнул мордатый с хитрой злобой на круглой роже, – моджахед. Ну что же, святой воин, получай за наглость! Сарин поймал летящий кулак, дернул на себя противника, крутнул руку вдоль своего туловища, выворачивая ее из плечевого сустава: тяжел, бродяга. Бросил нападавшего точным, несильным толчком в сторону суховатого, злого. Раздался душераздирающий крик, моджахеды застыли. Олег скользнул к крепышам. Локтем в переносицу свалил одного из них, ближнего, – в сторону, опять же к тому, стремительному – под ноги: кого больше всего остерегался. Отпрыгнул к стене, к Андрею: «Держи камень! Вороны... не ожидали!» Эх, если бы не бородатый: вот кто по-настоящему опасен. Здоровила с нелепо вывернутой рукой, корчился на земле, не кричал – глухо, утробно стонал. Другой громила лежал бездвижно. Нападавшие перегруппировались. Вперед выдвинулся злой, по-видимому, самый главный, которого остерегался Олег. На чистом русском языке выплюнул: «Ну, шурави, свинец пить будешь. Его пощадим, – кивнул в сторону Андрея, Он умный. Умные нам нужны. Много знает, больше нашего знает: мы историю свою забыли, он помнит. Детей наших учить будет. Ты умрешь, шурави, страшной смертью умрешь!»

– Напугал! Это еще посмотрим, кто – кого. Сам смотри, вон лежат, и ты рядом будешь валяться, как ишачье го...

Бросок бородатого был так стремителен, что Сарин не заметил его. Как-то уйти или ответить – об этом и речи не могло быть. Успел Логинов: у парня оказалась отменная реакция: камень разлетелся на куски, обдав пылью и крошками Олега. На миг главарь замешкался. Сарин качнулся влево. Упав на колено, ударил хромого в область сердца. Хруст ребер, глухой вскрик, стук о землю упавшего тела. Двое надвое – неплохо, – подумал Олег, и черт бородатый

ножку травмировал, кажется крепко, с гримасой боли отступил назад. Сарин бросился на третьего, замешкавшегося здоровяка, тот выхватил нож.

«Это мы умеем, парень. Это ты зря: надежда на железо – мертвая надежда». Перехватил руку противника снизу, стремительно крутнулся вокруг нее, ломая кости, разрывая сухожилия. Заметил: злой, бородатый, замешкал, с ногой что-то. Еще раз крутанулся: два оборота на триста шестьдесят, – «Это уж зря – мальчишество». Дикий рев разнесся между древних развалин, заглушая шум моторов от проходящих по трассе машин. Моджахед кругом полз по земле, собирая пыль распластанной одеждой, оставляя кровавый след за собой, который сразу же серел, впитываясь в песок. Кровь скатывалась пыльными шариками во вмятины в почве. Олег шагнул к бородатому. Тот уклонился от схватки. Тенью метнулся за стену, успев крикнуть: «Мы с тобой встретимся, шурави!»

– Вали по холодку!..

– Пойдем отсюда, – потащил Олега лейтенант.

– Не могу, дай передохнуть: ноги не держат! По русски сука как шпарит?!..

Испугано озираясь, Логинов тянул Сарина за гимнастерку:

– Нельзя оставаться. Они не бросают своих – вернуться!

Поддерживаемый Андреем, Олег побрел в сторону дороги. Ругался вслух: ругал Логинова за то, что тот затащил, куда не след, за то, что оружие не разрешил взять. Себя за лень и разгильдяйство: даже зарядкой прекратил заниматься. Бубнил под нос, чтоб не слышал лейтенант. За каким чертом полез в пекло! Лучше бы водку пил, к соседке через балкон лазил!

– С сегодняшнего дня начинаем жить по расписанию: подъем, зарядка и т. д. и т. п.! Да... бабки хорошего на нас нет..., – сокрушался Олег. Никак не пойму, почему меня не отстрелили? Поиздеваться хотели?..

О случившемся Сарин уговорил Логинова не докладывать, – Никто не видел, никто не слышал, ну и слава Богу! – Успокоил Андрея, – нечего лишний раз светиться: сами виноваты. Залезли да без оружия, – Олега, конечно, беспокоила шумиха, которая могла бы подняться вокруг них после этого случая. Дня два все спокойно было. Но как-то, только вернулись с правобережья, с Джангальского авторемонтного механического завода: выступали, чуть ли не в каждом цехе, – чертовски устали, умылись, хотели отдохнуть. И вдруг посыльный: Максимова и Логинова вызывают в политотдел. Первым в кабинет пригласили Олега. Там, кроме Новикова, сидел спиной к входившему, офицер. «Вот это машина, – восхитился Сарин, несмотря на тревогу, – плечищи вразлет стола начальника политотдела, там столешница – полтора метра».

– Капитан Максимов! Прибыл по вашему приказанию.

– Вот так бы вовремя, – досадливо буркнул Новиков. – Теперь объясняйся, – кивнул в сторону здорового подполковника.

– Ну, зачем так строго? – тот повернулся, встал: метра под два ростом, могучий, лысоватый, бронзоволицый, голубоглазый, – богатырь! Шея, как бревно.

«Борец, тяж», – определил Сарин.

– Заместитель начальника особого отдела армии, подполковник Григорьев, Доложить все же нужно было! – вдруг высоким фальцетом проговорил гигант. Смущенно кашлянул, щелкнул по кадыку, – Спортил горлышко: передавили на ковре, свистулька какая-то стоит теперь. Можно поправить: доктора грозятся аж под Шаляпина. Боюсь!

– Ну как докладывать? – осмелел Олег, особист понравился: здоровые, не то что хилые, без подвоха, – следов нет, доказательств – никаких. Никто ничего не видел. Припишут заказное геройство!

– Это ты зря, капитан. Глаза и уши в самом глухом дувале есть, прописная истина. Кто-то видел, ХАДовцам донесли, а они уж нам стукнули. Мы искать, кто – любители по историческим местам побродить. Самое интересное, как объясняют: мол этот пропагандист, кулаком

четверых уложил, цвет нации отмудохал. По городу шум идет: чемпиона мира по каратэ для борьбы с тайными врагами революции выписали. «Кикимо – сан» из Японии за миллион долларов. Вот такие дела, Максимов, – Григорьев хохотнул, – неизвестный герой ты. Ниндзя. Но мы это дело так и оставим. Афишировать этот инцидент нам ни к чему: пусть байки ходят. Беру с вас офицерское слово о неразглашении. Кстати, знаешь, кого уделал?

– Логинов камень бросил. В кино только такие фокусы видел: в песок булыжник разлетелся.

– Может, кусок земли ссохшейся?

– Наверяд ли! Настоящий, из стенки выпал.

– Ну, так вот, – Григорьев крутнул мощной шеей, – кличка у этого моджахеда – «учитель». Один из самых уважаемых командиров.

Новиков поднял палец:

– Несмотря на довольно небогатую родню!

– Да, да! – кивнул особист, – по их меркам, беден, как церковная крыса. Корни вроде в Союзе. Но это не факт, у них этих корней... Из идейных. Умен, значит опасен. Заинтересован в культурном возрождении страны, что, однако не мешает заливать расплавленный свинец в горло неверным.

– Так значит, правда?

– Обещал? Сделает!

Подполковник присел на скрипнувший под его могучим телом стул:

– Можно сыграть на религиозных симпатиях. Ты слышал о буддах Бамиана?

– Слышал.

– А у тебя гид какой! Но не в буддах дело: по мне они больше на египетских фараонов похожи, да и то по школьному учебнику.

Сарин озадаченно слушал особиста, – при чем тут будды, фараоны?

Григорьев продолжил:

– Сам он по вере шиит. – Заметив непонимание на лице Сарина, махнул рукой. – Ладно, это потом, сейчас другое важно. Конкретно из твоих слов следует: им нужен Логинов. Отпора такого они не ожидали. Оружия не применили, значит, повторят, не успокоятся. Чем ты их порубал?

– Да самбо это, чего проще!

– Ничего себе проще! Слышал, слышал. Наш ведь советский, исконный вид борьбы. Харлампиев, если не ошибаюсь, для бойцов Красной Армии специально разработал. Фильм об этом есть интересный: Ростоцкий играет в главной роли, – посмотрел внимательно на Сарина, – Вы даже чем – то похожи. Один – пятерых! Однако... серьезный вид.

Олег сидел как на иголках, понимая, что расспросы пойдут о далеком.

– Где этот вид спорта освоил?

– В детстве увлекался, ну и потом тренер был хороший...

Григорьев покосился на начальника политотдела:

– В характеристике о твоих спортивных способностях ни слова. Может, писал кто от спорта далекий?

Новиков молчал, иногда зябко подергивая плечами. Особист обратился к нему:

– Что делать будем, товарищ полковник?

– Отправляем Логинова в Союз; устроили охоту, подловят не сегодня – завтра. К маме пусть катится.

Пригласили Андрея. В двух словах объяснили ситуацию: сутки на сборы. Начальник политотдела отпустил всех, кроме Олега:

– Максимов, задержись.

Григорьев взял под козырек:

– Я подожду внизу, ты мне тоже нужен.

Олег стоял у двери кабинета.

– Прикрой. Проводишь Логинова и отправишься в Кушку. Встретишь там груз: прислали оборудование для типографии, – поднял усталые, льдистые глаза, – Не нравится мне все это, Максимов. Ой, как не нравится! Лучше б тебя украли! Все! Иди!

Спускаясь по лестнице, Олег с досадой и злостью думал: «Что говорит, а?.. Персона „Терра инкогнито“. „Лучше б“... – сердито куснул губу, – Кому нужен!»

Внизу ждал Григорьев:

– Слушай, капитан! У меня есть предложение. Надо б секцию организовать, или... как назвать... ну курсы по самообороне. Наши штатные обормоты только водку жрать да баб давить.

– Согласен! Потренируюсь, поработаю и сам.

– Все! Заметано. По-узбекски не кумекаешь?

– Откуда? – удивился Олег.

– Ну, как откуда? Три месяца рядом с переводчиком по митингам, встречам мотаешься, беседы душевные. Лицо, фигура, как южных кровей: должно легко даваться.

– Не знаю, у меня по всем коленам русские.

– Я и не сомневаюсь, – Григорьев задумался. – Ладно! Хлопнул Сарина по плечу, – дело у меня к тебе будет. Это вот по поводу религиозных симпатий... Ладно, потом поговорим. О секции не забудь, завтра и начнем. Давай!

«Давай, давай!»... Олегу очень хотелось затаится где-нибудь в отдаленном гарнизоне. Любые тяготы, только б не толкаться перед высокими очами. Новиков то ли пугает, но может, предупреждает? Вот невезенье: особист прицепился. Как бы вырваться отсюда?

Глава 12

Вечером устроили Андрею проводы: сидели в их комнате скромненько вчетвером. Пригласили майора Андреева и переводчика, москвича, старшего лейтенанта Родионова. Неожиданно постучали в дверь.

– Кого ждем? – Посмотрел на друзей Андреев. – Нет? Сидим, не открываем.

Опять настойчиво, уже угрожающе, постучали. Чертыхнувшись, Олег открыл дверь. На порог, сердито улыбаясь, стоял Новиков:

– Что за фокусы? У нас так не принято. Как старший по званию, по должности, по возрасту – без приглашения!

Еще один стол позаимствовали у соседей: через час комната не вмещала всех желающих попрощаться с лейтенантом, пожелать здоровья, успехов. Новиков поздравил Логинова с очередным воинским званием – старший лейтенант, и наградой орден Красного знамени». Пробрался к Олегу, немного посидев, предложил: «Пойдем, капитан, покурим».

Город жил ночью. Ярко совещенный, он гудел, как растревоженный улей. Война, как будто, – Сарин шагнул по дорожке рядом с полковником, – а жизнь... нет, не хочет затаиться, приутихнуть – шумит, бурлит. В темноте ночи, как инопланетный корабль повис над городом в великолепии огней отель. «Интерконтиненталь». Вокруг города, как в амфитеатре цирка: рой электрических огней, взбирается по скалам.

«Красиво, – подумал Олег. – Начальник вот что-то молчит».

Постояли, подышали свежим воздухом.

– Иди к ребятам, – Новиков положил тяжелую руку на плечо Олега, чуть сжал, – иди!

Понимание и поддержку почувствовал Сарин в этом пожатии. На душе потеплело: «Чего я боюсь? Какие-то козни кругом мерещатся!»

Кабульский аэропорт представлял собой смесь мусорной свалки с пьяной свадьбой. По прилету в Афганистан Олег не успел хорошо его рассмотреть: Логинов встретил Сарина на машине, и они через служебный вход сразу поехали в город; сейчас, выйдя из газика, Олег даже немного растерялся. Бесчисленные автомобильные гудки, повсюду шныряют грязные мальчишки с ведрами: предлагают попить воды из консервных банок. Олег удивился, пьют. Кто-то кого-то звал, тут вроде ругались, там торговались. Громкие резкие, гортанные голоса перемешивались с ревом взлетающих самолетов. Олег стоял в снующей распаленной толпе, потеряв из вида Логинова. Охрана, называется! «Ты что стал?» – Андрей схватил его под руку, потащил в сторону таможенного зала. Смеялся по дороге: «Мне будет не хватать там, в Москве, этого содома. Так нравится искренний темперамент, кипение страстей, вот такое восторженное выражение чувств».

– Я почему – то считал, что у этого народа излишняя говорливость: несдержанность эмоций относится к недостаткам, – недоуменно заметил Олег...

– То, что эта древняя страна осовременилась, это без сомнения. Но традиции Востока помнят и чтят. Что дозволено торговцу, он, ступив на тропу войны, себе уже не позволит. И наоборот. Очень много тонкостей в поведении и в жизни этого непростого, мудрого народа. Все это знать бы...

– Я понимаю: со своим уставом в чужой монастырь сунулись.

Андрей грустно улыбнулся, – Да, ты прав Николай. Смотри, какая земля: горы, камни. Огромный труд приложен к этому раю. Ты знаешь, как они на эти участки, на эти скалистые кручи землю доставляют? Нет, конечно! Поселился где-нибудь в ущелье дехканин, на голом склоне дом отстроил – щебень, камень. К нему гости пошли: идут, по горсточке земли каждый несет. Год, два, три – сад зеленеет, ячмень колосится.

– Курганы так насыпают.

– И курганы так, – Логинов сжал руку Олега, – будешь в Москве, обязательно заглядывай. – Немного помявшись, как-то извинительно добавил, – если какие-то проблемы возникнут, не стесняйся, – махнув на прощание рукой, исчез в толпе улетающих.

«Надо же, успел привязаться к мальчишке всего-то за три месяца. Как один день, так и жизнь пролетит – миг». Через несколько часов увидит Марину. Нужно ли это? Хочет ли он ее? Как мужик, да! Ну откажись!.. нет, что-то много сильнее его разума, тянет, ведет его по непонятной, ухабистой тропе.

Не получилось случайной мимолетной связи. Как говаривала искушенная в этих связях его супруга: «Любовь хороша, если она не имеет продолжения!» Афоризм б...и. Любовь без продолжения – это просто... Олег вздохнул. Да... три месяца старается выбросить Марину из головы, сердца, удавалось временами. Но заняла где-то глубоко внутри уголок. Чуть забылся Сарин, устал, и огромные, глубокие, наполненные тревогой глаза, манят, зовут, будоражат. Зовут и будоражат, оказывается много лет, мистика какая-то...

Проводил взглядом последних пассажиров, прошедших за турникет, вышел на площадь. Побродил немного среди разногласной толпы. Мальчишки достали, предлагая жвачку, воду. Рассердился на них, ушел в буфет. Огромные окна смотрели на летное поле. Купил банку пива «Честерфилд» – английское. Давно не пил баночного, а вообще зря купил: в такой жаре пиво жажду не утолит, понравилась красочная, зеленая жестянка. Все же открыл, отпил немного: жигулевское родное, бутылочное много лучше. Это резковато, как вьетнамское – 33. Завалили в одно время Владивосток темными пузатыми бутылками. Поначалу ринулись импортным напитком надуваться. Прельщало, что хранить можно было бессрочно. А раскушали – голимая сода. Пьешь – хорошо, а на следующий день, организм наизнанку выворачивает. Но откровенно: если бы пили по нормальному, что б нам стало, ну, хоть с двух бутылок? А то за вечер литров по пять – семь уговаривали. С родниковой воды заболеешь.

От дальних стоянок, не спеша, двигалась группа летчиков. Остановились почти напротив окон буфета. Стояли, что-то обсуждая. Олег усмехнулся: вертолетчики, молодые ребята, а животики – подвесные бачки уже у некоторых чуть топорщат голубые комбинезоны. Обратил внимание на стоящего к нему спиной черноволосого летчика. Снял фуражку, провел рукой – характерным жестом пригладил непокорный вихор: «Пятнадцать лет он его гладит. Все торчит наперекор времени». Андрей Бутейко – его училищный первейший друг и товарищ. Слышал Олег, что получил Бутейко Героя, что командует полком. Как будто почувствовав взгляд Сарина, Андрей обернулся: чуть округлившееся лицо, суровые складки залегли у губ. Посмотрел вопросительно на Олега, мол, что надо. Сарин даже отпрянул. Чушь какая-то не видит его друг: далековато и стекло отсвечивает, люди кругом – толпа. Опустил все же голову. Когда поднял глаза, на бетонке уже никого не было.

Глава 13

Через два часа Сарин метался по Кушкинскому гарнизону, пытаясь выяснить, где оборудование, предназначенное для типографии.

Вконец уставший, злой, потный, завалился к оперативному. Тот, уже знакомый майор, набросился на Олега.

– Где тебя носит: посыльный с ног сбился. Какой-то представитель с верхов ждет: рвет и мечет!

– Где типография? Где оборудование? Меня же за ним прислали!

– Ну, за ним. Оборудование в Ташкенте пока. Этот представитель бумаги или плакаты, может журналы, не знаю, макулатура короче: привез сам – лично из Москвы. С рук в руки желает передать. Оборудование – в следующий раз!

– Где он?

– Хрен его знает! Час над душой стоял. В столовку поперся, наверное, мурло сытое, столичное!

– Сарин вышел от оперативного, присел на лавочку. Мучительно захотелось увидеть Марину, заглянуть в глаза, вдохнуть неуловимый запах ее волос, прильнуть к разгоряченному телу. Со стороны подошел приземистый, полный мужчина: светлые брюки, светлая, с коротким рукавом рубашка. Руки, как у гуся лапы: успел, ошпарил солнцем; соломенная шляпа на голове – Хрущев, да и только.

– Здравствуйте, вы – Максимов?

Олег поднялся навстречу, поздоровался, – Да, я.

– Ну и хорошо, – облегченно вздохнул тот. – Вы какое-то оборудование бегаєте ищите, я – вас, – похлопал себя по животу, – мешает, особенно не разбегаешься. Завидую: спортсмен – сразу видно. Можно бегать.

Сарин молчал.

– Зайдем к дежурному, там все на месте, все приготовлено.

Увидев четыре объемистых тюка, Олег присвистнул, пнул ногой: тюк даже не вздрогнул.

– Осторожно, – закричал представитель, – плакаты, брошюры. Политиздат, все высшего качества.

С тонну будет, прикинул вес Олег, хоть вроде и бумага.

– Давайте документы, – Сарин расписался в сопроводительной. Спросил у оперативного, – когда отправишь?

Тот зло буркнул, – Вообще бы не отправлять эту макулатуру. Солдатам вкусного побеспокоились бы или обмундировки путной по горам лазить.

Уже с порога мужик стремительно развернулся, подскочил к майору: – Что вы сказали? – выпучился, нервно подергивая толстыми губами, – я вас спрашиваю, что вы сказали, товарищ майор? Я представитель центрального отдела пропаганды вооруженных сил. Вы ответите за эти слова!

Майор вроде как испугался, побледнел. Но с последними словами председателя на его лицо напозла багровая краснота, глаза бешено округлились, он неожиданно громовым голосом заорал, – Я два года твоими брошюрами зад подтирал, и еще столько же могу, заодно и тебя для этого дела пристрою. А ну пошел отсюда, тля вонючая!

Мужик, схватив упавшую шляпу, вылетел за дверь. Оперативный, неожиданно спокойно закончил, – Иди, отдохни. Завтра после обеда отправлю, – кивнул насмешливо, – герой. У меня за неделю с десяток таких..., из отделов... Шляпу потерял, ничего, денька два-три пожарю – шелковый станет. Представитель!.. Политпи... ат!..

Попрощавшись с майором, Сарин с замиранием сердца направился к общежитию. За три прошедших месяца ничего, кажется, не изменилось в знойном ландшафте. Единственно, посерели клумбы, сгорели от жары цветы: стебли скукожились в серые, ломкие паутинки-хвостинки. Середина сентября, солнце непрерывным бликом сварки слепит глаза. Хорошо – очки – светофильтры. Печет немилосердно, сушь. И еще заметил Сарин – спокойно по гарнизону: не слышать рева дизельных двигателей, народ и техника сварились от жары – попрятались, кто куда. Зашел в полумрак коридора – тихо, только в конце пенала негромкая музыка. Осторожно подошел, остановился у двери. Может, кто есть: У нее вроде в комнате музыка. Повернулся спиной, замешкался. Дверь распахнулась.

– Ну что же ты, Максимов? Я жду тебя!..

Эта ночь принадлежала Марине: она так хотела. «Я так мечтала об этом, Олежка. Не будет борьбы, мой милый! Сдаюсь! Делай, что хочешь со мной! Как тяжело вот так, извини. Муж два раза в неделю прилетает. Но я не его жду, тебя! Ничего не могу предпринять. И так, и так – все плохо получается. Дядя Федя ругается: «Не девочка, возьми себя в руки».

– Какой такой дядя?

– Начальник политотдела, полковник Новиков.

– ... вы... знакомы?..

– Не удивляйся, они с мужем ровесники и друзья детства. Помогают друг – другу.

– Странная помощь со стороны дяди Феди, – насмешливо скосил глаза на Марину Олег.

– Ничего ты не понимаешь, Олежек. Они старше меня на двадцать лет. Новиков влюблен в мою маму до сих пор. Притащил к маме в семью этого Ларина. Все очень просто. В нашей среде так принято: выходить замуж за обеспеченных старых генералов, – зябка передернулась, – и содержать красивого, молодого любовника – нищего офицера.

Сарин промолчал, но, прощаясь, попросил:

– Мариночка, ты, пожалуйста, не вмешивайся. Пусть все движется, как написано и уготовано судьбой. Неловко мне при штабе отираться. Не сдерживай, не тормози!.. нищего офицера.

– Нет, Максимов, тут я не виновата: если задерживаю, значит так и написано. Не смогу – уйдешь, и опять по писаному. Ничего от нас в этом мире не зависит. Бузи, противься, Олежка, но произойдет так, как произойдет. Запал ты мне в душу еще тогда... , раненый беспомощный. Лукаво улыбнулась, – голых мужиков навидалась, но уж так ты был хорош... Ларин салфеткой прикрыл.

До конца октября три раза успел слетать в Кушку. Еще три незабываемых ночи Олег любил. Любил огрубевшей, изболевшейся душой, израненным, уставшим сердцем. Боялся, страшился своего чувства, неожиданного счастья. Был нежен, ласков. Как дикий зверь, живущий инстинктами, среди ежедневно, ежечасно грозящей ему смертельной опасности, переступая порог сокровенного, тайного, оставлял за ним все: кровь, грязь, страх, злобу. Любовь без ума, без расчета... наверное, такая неосмысленная, по настоящему глубока и искренняя. Уйти сознанием из этого реального мира в беспредельность... раствориться там на мириады пылинок. Три ночи – три провала в неизведанное, и с первыми лучами солнца – возвращение в осознание земного мира. Они выплывали из небытия, из ниоткуда, удивленно лаская друг друга, узнавая, открывая себя каждому невесомому прикосновению, поцелую, взгляду.

В энергетический сгусток спрессовался Олег неумным желанием встречи с любимой! Он хорошо понимал, чувствовал: так не бывает! Как ни высоки и искренни их чувства, в крайнем случае его, все должно закончиться обыденно и просто, и ждал этого, и боялся...

Работал в эти осенние дни много. Октябрь – слякотное, унылое время. В Афганистане, по сравнению с Союзом, осень упорно задерживается, палит солнце, упрямо повиснув на выжженном зноем до блеклой голубизны небосклоне. Дни стали только короче, да по ночам заметно холодит. Листья на деревьях и без того от зноя слабенькие, вялые, стали опадать. Банды моджахедов, готовясь к зимнему, сложному времени года: многие караванные тропы

по ущельям завалит снегом, разобьет, размоет лавинами, – активизировались. Участились нападения на гарнизоны, колонны с продовольствием. Выезды по заданию, в одиночку, пришлось прекратить. Обязательно сопровождал БТР и машины с сарбозами. В очередной выезд на Джангальский авторемонтный завод машина сопровождения налетела на мину. Шофер и офицер-афганец, сидевший рядом с ним, погибли. Несколько солдат получили ранения.

Вечерами проводил тренировки с офицерами. Расстилали маты на волейбольной площадке, и часа три отработывали приемы. Сарин работал с ожесточением. Офицеры жаловались: «Ты что, Олег, звереешь, мы же не дрова». Подполковник Григорьев, бывший борец, классик в тяжелом весе, не раз сам гулко падал на подстеленный мат, попадаясь на прием Олега. Борцы – тяжи физически очень сильны, но в виду малой конкуренции, технически готовы слабовато. Сарину никакого труда не составляло раз за разом, себе в удовольствие, под одобрительные смешки смачно прикладывать особиста. Тот не обижался, кряхтел, поднимаясь с матов, и ворчал на нытиков: «Ну что ж вы как девицы, или лень раньше вас родилась! Пригодится в жизни. Вот случай могу рассказать». «Верим, верим», – галдели штабные, пытаюсь улизнуть с занятий. Считали дело это, конечно, хорошим, стоящим, и без сомнения, полезным. Но, как говорится, есть и более приятные способы развлечения. Женщин в городке хватало: не очень с помятыми боками погусаришь.

В один из таких вечеров Новиков вызвал к себе Сарина.

– Садись поплотней, разговор серьезный, – выглядел полковник озабоченным. С грустью и сожалением взглянул на Олега, – Ну что, капитан, Сарин Олег! Вилась веревочка, а и тоньше стала. Не конец, нет! Я не о том, что ваша проделка с документами раскрыта, нет. Тут хорошо: очередное звание – майор капитану Максиму присвоено, и орден у тебя есть, Красной звезды, поздравляю! Достойная награда – заслуженно! Один лейтенант чего стоит! Опять же не в этом дело, – потер правый бок рукой, – болит. – Отвернулся к сейфу, бросил в рот что-то, запил водой прямо из графина. Видать сильно прихватило – поморщился, – извини, приболел немного. Да и пора. Хотел еще немного поработать, но... печень, – внимательно посмотрел на Олега, – Чуешь, к чему клоню?

У Олега вмиг заледенело внутри, ухнуло тягучим больным взрывом: «Как же мы, Марина?»

– Вижу, понял. Вот я и думаю: оба вы сумасброды. Захлестнула любовь, с головой накрыла. Ничего не видите, не понимаете. Я приветствую, рад за вас. Но... но... молоды, глупы, – полковник прошелся по кабинету. Остановился за спиной Сарина. Как в беседе, положил руку на плечо, чуть сжал, – Виноват я перед Мариной. Думал, уж она-то счастье познает, – помолчал, сумрачно продолжил, – Любовь!.. Дай Бог, сохранить вам ее, выжить в этом аду! – и сразу же без перехода, – просит майора Максимова к себе в отдел подполковник Григорьев. Не ошибусь, что на днях придет приказ о назначении его начальником особого отдела армии – очередная звездочка на погон, это уж как положено. Не тебе объяснять: если у нас просят или предлагают, ответа «нет» услышать никто не предполагает, тем более в таком ведомстве, – Новиков сел в кресло, чуть прислонился правым боком к столу, придавил боль ребром: мешки под глазами налились водяной синевой. – Тебя прошу! Возьми себя в руки! Ты же летчик, боец! Ни взглядом, ни во сне, ни наяву – не противься переводу. Навредишь не только себе, о других подумай. Черт с нами!.. – Новиков стукнул кулаком по столу, о Марине подумай!

Олег молчал. Глухое раздражение злой волной захлестнуло мозг, хотелось крикнуть: «Что вы за нас думаете, решаете?.. не трогайте!.. Мы... что мы... что!..» Сдавил пальцы в кулак: побелели костяшки, ногти впились в ладони. Как, просыпаясь, тряхнул головой.

– Ну и молодец! – облегченно вздохнул Новиков, я в тебе не сомневался. Любовь? Жертвенность? – с болью добавил, – Выбирать, решать сильному. Понятно, что спросить не ского

за этот выбор... а как жить то сильным? Перед кем ответ держать? Кто спасибо скажет? – махнул устало рукой, – иди, думаю, в ближайшие дни все решится. Иди, увидимся.

Глава 14

Кошмарная ночь! За эти долгие часы о многом передумал Олег. Логинов говорил: мусульманская вера: ее значение, смысл – это фатальная неотвратимость судьбы, которая подвластна только воле всевышнего. Черт бы драл все эти веры, судьбы, смыслы жизни! Кому они подвластны: низшим силам, высшим? У Олега, у него, нищего офицера, – только низшим, злобным, подлым силам! Смысл... судьба!.. Какое-то темное, бездушное существо ведет его по жизни, отбирая по дороге близких друзей, любимых, лишая возможности дышать свободно, заставляя осторожничать, хорониться, бояться за сегодня, завтра. Ну и что получается? Что получается? В чем смысл его жизни? Какая цель? Любить? Чтобы его любили? К чему стремиться? Мчаться, замирая сердцем, презрев все преграды навстречу Марине? Но это же пошло, нас так не учили, низменно, недостойно мужчины. Неужели он существует только для удовлетворения своих прихотей: спать, есть, любить, размножаться? Да! Прав Новиков! Выбор сильного – борьба – это по мужски. Остальное – слюнявая чепуха. Но Марина? Сердце, глупое сердце кровоточило, ныло. Стальным раскаленным гвоздем в мозг: ты ведь любишь! Тебя любят! Это много, это огромно, необъятно, это – жизнь! Какой к черту, фатализм! Нет, нет!.. Вспомни пыльную конторку, все вспомни!.. Олег бил кулаком по железной спинке кровати: нет, нет, нет... Обессилено откинулся на спину. За окном, где-то на окраине города протакала очередь, слышались хлопки выстрелов, еще одна очередь, все стихло. Что ж ты, дорогой? Смирись. Может, – борись? Борись с собой, вот с этим желанием любить, жить. Тут война, ты знал, на что идешь. Что мечешься? Ведь будет так, как будет. Вспомни, что сказала Марина: «Бузи, противься, но произойдет так, как произойдет!»...

К девяти утра Олег был в штабе армии. Командующий официально поздравил его с очередным званием, с наградой «Орден Красной Звезды». После того, как прозвучала команда: «Разойдись!» – к Олегу подошел, раскинув огромные ручки, Григорьев. Да и не только он: знакомые офицеры затискали в поздравлениях.

– Как обмывать будем, где? – деловито осведомился майор Андреев, – может, в столовой организуем?

Особист сдерживающе шевельнул могучим плечом:

– Нет, мужики, зачем лишняя помпа, все ж война идет. В комнате у Николая посидим... ничего, потеснимся. Ну, а пока, разбегайтесь братцы, именинника командир ждет.

Григорьев, поддерживая Олега за локоть, повел в сторону штаба. И как уже о решенном заговорил:

– С командованием все утрясли, дня три покантуешься тут. Нужно... формальности кое-какие уладить: инструктаж и т. д. Отправишься в командировку. Да, кстати, – искренне спохватился Григорьев, – может ты не согласен, а я прям в наглуую, как танк, прую? Скажи, не стесняйся.

– Нет, нет, – поспешно взбодрился Олег. – Я и так засиделся тут.

– Конечно. Как у тебя с языком?

– Здрате, до свидания, пить, есть, руки вверх...

Особист с сомнением посмотрел на Сарина:

– Не темнишь, майор? Ребята говорят – неплохо изъясняешься. Скромничаешь?!

– Есть немного.

– Молодец! Иди, готовь праздник.

Зачем понадобились ему мои знания языка? За два года, пока служил срочную в Узбекистане, Олег выучил десятка два слов... так от делать нечего: с девчонками болтали, дурачились. Русский все там прекрасно знают. Надоест какойнибудь раскосой красавице настырный,

прыщавый ловелас, так она ему в отместку: моя не понимай. Бедненький напрягается, бормочет, типа: якши мисис или хоп майли. Надоест тужиться и верх презрения: «Маськи съели».

Три месяца общения с Логиновым не прошли даром. Тот совершенствовался в диалектах и Сарина подключил. Олег довольно неплохо разбирал речь, хорошо пушту. Говорил скверно. Иногда слышал за своей спиной такое, от чего мурашки по коже выпрыгивали, как в лютый мороз. Хотелось оглянуться, что толку, и так ясно, как любви они тут. Однажды, вынимая носовой платок из кармана, зацепил деньги. Услышал шепот ребятишек: «Шурави что – то выршил», – оглянулся, но денежки уже... тью-тью. И ребятишки по сторонам, как воробьи разлетелись. Чертыхнулся, толку то от понимания.

Неожиданно подумал, что одинок. Не хватает Логинова, хоть и молодого, но чуткого, умного товарища. Пацан вроде, а определен в жизни, и цель светлая, великая и идет к ней, не петляет как заяц. У тебя что? Олег тут же успокоил себя: что поделаешь, для великого – великим, как минимум, родится надо. Логинов сейчас далеко. У него же впереди – все трудно, все непросто.

И звание, и орден – события неординарные. Как ни сопротивлялся Сарин, пьянка получилась шумная. Кто-то пригласил вертолетчиков. Издали они поздравили Олега: пробиться к нему через тесное застолье было трудно. Сарин с некоторым трепетом ждал прихода Бутейко, но тот по каким-то причинам отсутствовал в Кабуле. Было б затруднительно скакать через заставленный закусками и винами стол, падать на друга, шептать в ухо: мол, молчи, все потом объясню. Чувствовал Олег себя неловко, шума не любил, особенно в отношении собственной персоны. Сейчас и вообще считал излишним любые проявления внимания. Григорьев посматривал на Олега. Пил особист мало, больше ел, да слушал. В закусках, судя по всему, толк знал. И, пожалуй, мог бы потягаться в количестве съеденного с Гаргантюа и составить тому достойную компанию.

– Ты что такой смурной, майор? Письмо плохое получил из дома? – чуть помолчал, – да вроде тебе не пишет никто?

Сарин поежился:

– Пишут, кому надо.

– Пьешь плохо, закусываешь еще хуже.

– Мне хватает.

– Не ершишь, это хорошо, что не привередлив.

Разошлись поздно, да и то после того, как выпили все и заготовленное и принесенное, и достать уж ничего не удалось для самых стойких и жаждущих. Олег, скинув рубашку, открыл окно, рухнул на кровать. Удушливый запах табака, водочного перегара, постепенно растворялся в свежем, пахнущем влагой, травой, воздухе. Уже засыпая, подумал: какая трава..., какая влага. Афган это, октябрь месяц. До обеда его не трогали – выходной день, воскресенье. Первым ввалился опухший, с всклокоченными, в перьях, волосами, майор Андреев, за ним Иванов, потом еще кто-то. Олег смахнул пух и перья с головы майора.

– Где курятник нашел?

– Иванов, разливая водку, хмыкнул:

– Недалеко. Есть там цыпочка килограмм на сто.

– Цыц! Салажонк! – майор сожалеюще вздохнул, – цыпочку не помню! – Подержал перышко пальцами, дунул, – подушку помню: все, что осталось от цыпки.

Заглянул Григорьев, осуждающе скривился. На предложение опохмелиться свирепо замотал головой.

– Пойдем, Максимов, прогуляемся. А вам, алкашам, все выпить, и к его приходу комната – чтоб блестела.

Иваньков привскочил, повернулся к Андрееву:

– Товарищ майор, разрешите пригласить цыпулю?

– Сбегай, сбегай, там и тебе места хватит! – отмахнулся Андреев, – сами уберем.

Григорьев прикрыл дверь:

– Обормоты! Пойдем, посидим где-нибудь в теньке. Надо ж, октябрь, а так жарит!

Когда же это кончится?

«Когда же!.. – подумал Олег, – а то ты не знаешь!»

– Ты понимаешь, что творится! – втолковывал особист Сарину по поводу пьющей широкой русской души, – ну кто, кроме наших соотечественников в такую жару водку литрами глушит?

– Ночью прохладно, – заметил Олег.

– Да им все одно!.. – возмутился Григорьев. – Ты слушай! Бузят, не климат для них!.. Печень... гепатит... понос... – кивнул в сторону спешащего, на ишаке, афганца в длиннющей шелковой хламиде и белой чалме. – Хряпни любой из них хоть стакан водки – все! До реанимации не довезут.

Они свернули в переулок, прошли узкой, сжатой с двух сторон глинобитными домиками, улочкой. Вышли к весело журчащему арыку. Над ним обширный настил: ковры, небольшие подушки, сверху навес, кругом деревья. Тишина, благодать: шум города, хоть это почти центр Кабула, доносится сюда невесомым пчелиным жужжанием.

– Хорошее место! Можно спокойно посидеть: никто не помешает – наш район.

Толстомордый, важный, как индюк, в красной тубетейке, духанщик подобострастно поздоровался с ними за руку. На чистом русском поблагодарил гостей, почтивших своим высоким присутствием «его бедное заведение».

– Принеси сухого винца, хорошего, и, главное, прохладненького. И поешь попроще. Располагайся! – Григорьев показал Олегу на середину ковра. – Раз мы такие важные гости – и место наше тут!

Вино, чуть кисловатое, терпкое, приятно бодрило. От арыка – от воды – неуловимо тянуло свежестью. Подполковник поудобней подsunул под себя бархатную, бардового цвета подушку. Подумал, сграбастал еще одну. Достал из кармана большущий носовой платок, затейливо обвязанный по краям. Сарин засмеялся.

– Ты что? – недоуменно посмотрел на него Григорьев.

– Никак не пойму: почему большие люди пользуются огромными носовыми платками? И где их такие достают.

– Понятно, тут ты правильно заметил: лицо и нос, вроде, у всех одинакового размера. Главный секрет – это рука! У меня уж точно. Вот, смотри! – Григорьев взял у Олега платочек, положил на руку. – Ну, что?

Действительно, жалко смотрелся лоскуток материи на огромной мясистой ладони.

– Пятьдесят на пятьдесят! И в кармане удобно. Карман – по брюкам, они размеров на шесть побольше, чем у тебя. Плат всего в четыре раза. Явная в материале к тому же экономия. Он для меня, как для вас детский сопливчик. Но в глаза бросается, так это с непривычки. Отдыхай. Думаю, не скоро тебе с таким комфортом придется винцо попивать.

Олег осмотрелся: посетителей мало.

– Я же говорю, тихое место.

Минуты три – четыре молчали. Вздохнув, подполковник как – то даже построжал, мощный загривок подобрался, тело набрякло угрожающей силой.

– Пригласил я тебя сюда, конечно, по делу. Приказ есть – ты с ним ознакомлен: в полное мое подчинение. Ввожу тебя в курс дела. Небольшая вводная, так сказать, лекция, или, проще говоря, постановка задачи. Подскажу главную идею, мои ребята разъяснят тебе основные способы ее выполнения. Но конкретная, непосредственная ответственность ложится на тебя. Ты будешь в гуще событий, в общем, один. Слушай внимательно.

Григорьев несколько раз промокнул лицо цветастой простыней, аккуратно сложил, оставив платок в руке.

– Все дело в том, что ты неплохо понимаешь по их, по афгански: и в пушту кумекаешь и в фарси. А что разговорный ни к черту – это тебе и не нужно. Слушать всегда много полезнее, чем говорить. Отправляем тебя к границе с Пакистаном. Больное место – долина реки Кунар. Караваны, как проспектом, оружие, наркоту везут. Гарнизон в городишке Барикоте, в крепости механизированный полк, полк правительственных войск; там же, при них, пять человек советников, мушаверов; особый отдел неплохой, ХАДовцы, только не понятно, на кого работают. Одна из твоих задач: выяснить и прибрать к рукам эту контору. Задача на слух не сложная, – Григорьев испытующе посмотрел на Сарина. Олег молчал, внимательно слушал, понимая важность каждого слова: – Перекрыть свободный ход потоку оружия, наркоты. Способов достаточно. Головастый мужик нужен. Смуту навести, разбить, расчленив их банды, короче, устроить маленький кордебалет. Методы все приемлемы. Они тут князьки, феодалы, индюки надутые. Гектары зеленки, вода, горы, кишлаки, женщины – все в веках поделено. Если б не их жадность к власти, к деньгам – под бардак кусок пожирнее прихватить – нам бы тут делать нечего: разнесли б по клочкам: опыт у них – ого-го. Англичан лупили в хвост и в гриву. И воины, и работяги – дай Бог! Ну, ты это не хуже моего знаешь. Ну а что мы? Нравится тебе, не нравится, задачу выполнять требуется. – Особист зло крутнул кулаком, – что у нас было в семнадцатом, примерно и у них, но похлеще, – озадаченно сморщил лоб, – нет! Куда нам! Так накручено – наворочено – не разберешь. Закончится эта заваруха: в чью пользу – значения не имеет, мы уйдем. Нищие – не знаю, куда им еще нищать, – обнищают. Богатые богаче станут. Кому – то не хватит. О... тогда и начнется!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.